



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Эд. Бернштейнъ.

Bernstein, Edward.

Возможехъ-ли научный социализмъ?

Переводъ съ нѣмецкаго

д-ра Ю. Райхесберга.

„Непосредственная цѣль всякаго умѣнія — это польза или удовольствіе; всякаго же знанія, напротивъ,— изслѣдованіе истины, и этому соотвѣтствуетъ также разнородность области того и другаго“. Т. Бокль: „Вліяніе женщинъ на науку“.

„Какъ всѣ социально-реформаторскія партіи, такъ и социализмъ имѣетъ свой живой источникъ въ явныхъ недостаткахъ современнаго общественнаго строя. Пока этотъ источникъ не изсякнетъ, социалъдемократіи, этой боевой партіи социализма, нечего бояться самокритики ея теорій“. Т. Мазарикъ: „Научный и философскій кризисъ въ современномъ марксизмѣ“.

Книгоиздательство



„БУРЕВѢСТНИКЪ“.

ОДЕССА. — 1906.

Отъ переводчика.

Я считаю своимъ долгомъ заявить, что хотя я и взялъ на себя трудъ перевести настоящую брошюру, но что я тѣмъ не менѣе не раздѣляю взглядовъ, высказываемыхъ въ ней авторомъ.

«Бернштейнство» со всѣми его оппортунистическими послѣдствіями въ теоріи и практикѣ несомнѣнно завоевало себѣ нѣкоторыхъ приверженцевъ въ нашихъ рядахъ и въ Россіи, и если его распространеніе у насъ оказалось менѣе успѣшнымъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, то это главнымъ образомъ заслуга Георгія Валентиновича Плеханова, выступившаго противъ него цѣлымъ рядомъ убѣдительныхъ и глубокихъ критическихъ статей. Такой, именно, статьей является, безъ всякихъ сомнѣній, и печатаемая здѣсь его критика брошюры: «Возможенъ ли научный социализмъ?» Но какъ дать критику, не позаботившись ознакомить читателя съ самимъ предметомъ данной критики? Вѣдь послѣдняя лишь въ томъ случаѣ можетъ считаться плодотворной, если читатель знакомъ съ тѣмъ, противъ чего она выступаетъ. Вотъ это соображеніе и было въ данномъ случаѣ единственное, которое побудило меня не отказаться взять на себя переводъ этого произведенія, несмотря на то, что взгляды, въ немъ высказываемые, не соотвѣтствуютъ, какъ я уже замѣтилъ, моимъ собственнымъ.

Иначе говоря, переводъ этотъ сдѣланъ мною исключительно ради статьи г. Плеханова.



105-266105

НХ
56
8539
1906

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рефератъ, составляющій содержаніе данной брошюры, читался мною 17-го мая настоящаго года въ «Берлинскомъ студенческомъ союзѣ для изученія соціальныхъ наукъ». Поскольку собранный мною матеріалъ имѣлся у меня написаннымъ и поскольку моя память мнѣ позволяла, я старался передать этотъ рефератъ въ томъ же видѣ, какимъ онъ изложенъ былъ предъ упомянутымъ собраніемъ. До конца первой его части я пользовался вполнѣ готовымъ манускриптомъ, который и былъ, съ нѣкоторыми лишь пояснительными прибавленіями, прочитанъ дословно и который, за исключеніемъ небольшихъ стилистическихъ поправокъ, печатается безъ всякихъ измѣненій и здѣсь. Отъ второй части у меня, напротивъ, ко времени реферата имѣлся лишь планъ, хотя и довольно подробно разработанный, и потому я, что ея касается, могу только поручиться за точную передачу хода мыслей моего изложенія, но не за точность самаго изложенія.

Гдѣ для изданія въ брошюрной формѣ мнѣ казались цѣлесообразными нѣкоторыя дополненія, я сдѣлалъ ихъ въ видѣ примѣчаній или краткихъ прибавленій. Въ самый же текстъ этой брошюры я сознательно ничего такого не вставилъ, чего по существу не сказано было мною уже въ собраніи.

Строго контролировать себя въ этомъ отношеніи предписываютъ мнѣ между прочимъ и нѣкоторые комментаріи, которымъ этотъ рефератъ подвергся въ печати. У меня нѣтъ ни достаточнаго досуга, ни, откровенно говоря, охоты пускаться въ печатную полемику относительно того, какъ понимать то или другое мѣсто реферата или — такъ какъ мнѣ приходится имѣть дѣло съ читателями чужихъ мыслей — что я себѣ при нихъ думалъ. Честныя заблужденія относительно тенденціи

реферата, несомнѣнно такъ легко возможныя по отношенію къ устному слову, разъясяняются сами собою по выходѣ брошюры изъ печати; противъ элонамѣренныхъ же толкованій не помогутъ никакія разъяясненія.

Но болѣе важное теоретическое возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ реферата, указано было въ послѣдовавшихъ затѣмъ дискуссіяхъ профессоромъ Адольфомъ Вагнеромъ, заявившемъ, что вся суть выдвинутаго мною вопроса сводится къ спору о словахъ по поводу понятія научности. Поставьте на мѣсто спора о словахъ споръ о дефиниціяхъ и я согласенъ допустить формальную справедливость этого замѣчанія. Дѣйствительно, для меня раньше всего важно ограниченіе понятія научность. Но за этимъ вопросамъ о границахъ понятія скрывается для меня—и сознательно или безсознательно и для другихъ—вопросъ о границахъ теоретическаго мышленія вообще и, поскольку послѣднее имѣетъ на нее вліяніе, также и практической дѣятельности. Я касаюсь этого вопроса въ самой книжкѣ, а потому здѣсь развѣ только замѣчу, что разбираемая въ ней проблема занимаетъ меня уже съ нѣкоторыхъ поръ и при случаѣ было даже поставлено мною на дискуссіи. Такъ говорю я въ моемъ разборѣ книги Массарика о философскихъ и соціологическихъ основахъ марксизма, появившемся два года тому назадъ въ вѣнской «Die Zeit»: «Между прочимъ, стоило бы когда нибудь позаняться болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ того, на сколько такая теорія, какъ соціалистическая, предметомъ которой является то, что лишь должно произойти, *можетъ* вообще быть наукой и таковой ли ей быть *необходимо*» («Die Zeit» отъ 15-го іюня 1899 г.).

Какъ шагъ по направленію къ этому изслѣдованію, рефератъ и хочеть быть разсматриваемъ, и меня можетъ только радовать, если онъ подастъ поводъ къ плодотворнымъ дебатамъ.

Гросъ-Лихтерфельде, 29 мая 1901 г.

Эд. Бернштейнъ.

I *).

Наиболѣе вліятельная изъ распространенныхъ въ наше время соціалистическихъ теорій, выработанная Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ научная система, приверженцами которой, какъ опредѣляющей направленіе ихъ требованій и цѣлей, является теперь почти во всѣхъ странахъ громадное большинство активно дѣйствующихъ соціалистовъ, названа была ея основателями научнымъ соціализмомъ. Въ сочиненіи, большинству изъ васъ, вѣроятно, знакомомъ и заслуживающимъ быть знакомымъ всѣмъ вамъ—въ «развитіи научнаго соціализма»—извлеченіе изъ не менѣе интересной его книги: «Переворотъ г-на Дюринга въ наукѣ», Энгельсъ говоритъ, что благодаря двумъ открытіямъ, сдѣланнымъ Марксомъ, а именно: открытію *материалистическаго пониманія исторіи* и раскрытію *образованія прибавочной цѣнности* соціализмъ сталъ наукой. Вотъ самое подлинное, если и не первое мѣсто, гдѣ для марксистскаго соціализма рекламируется титулъ «научный». Статьи, въ которыхъ это помимо того дѣлалось, встрѣчаются часто въ соціалистической литературѣ, появившейся до перваго опубликованія того предложенія, т. е. до 1877 года. Даже бывший обыкновенно съ Марксомъ въ неприязненныхъ отношеніяхъ нѣмецкій соціалистъ І. Б. Фонъ-Швейтцеръ, человекъ, одаренный большими способностями, и тотъ писалъ послѣ появленія перваго тома главнаго произведенія Маркса—«Капитала», что прочитавъ эту книгу, онъ скалъ себѣ: «соціализмъ—это наука».

Между тѣмъ марксистскій соціализмъ, чтобы употребить это сокращенное выраженіе, не представляетъ собою ни единственное, ни первое соціалистическое ученіе, которое предъ-являло притязаніе на научность. Уже въ первой главѣ «Капитала», въ 24-мъ къ ней примѣчаніи вы можете читать, что ни одна школа не злоупотребляла такъ словомъ science, какъ школа французскаго соціалиста Прудона. Но вѣдь Прудонъ

*) Для устраненія могущихъ произойти недоразумѣній.

былъ въ то время, когда писалъ Марксъ, самый вліятельный изъ романскихъ социалистовъ. Читайте, однако, произведенія обѣихъ французскихъ социалистическихъ школъ, выступавшихъ до Прудона, произведенія учениковъ Фурье и Сенъ-Симона; отправьтесь въ Англию и читайте тамъ сочиненія школы Роберта Оуэна, повсюду вамъ придется наталкиваться, и весьма часто, на подобныя же ссылки на науку. И отъ такихъ же ссылокъ не свободны и сочиненія Лассаля. Можно почти сказать, что чуть ли не всѣ социалисты XIX столѣтія отождествляли свои ученія въ той или другой степени съ наукой.

На первый взглядъ это единомысліе способно возбудить въ насъ подозрѣніе. Вѣдь намъ извѣстно, что между этими школами существуетъ самое рѣзкое противорѣчіе, какъ въ способѣ пониманія, такъ и въ практическихъ выводахъ. Съ какой рѣзкостью выступалъ Прудонъ противъ фурьеристовъ и съ какой силой подали критическіе удары Карла Маркса именно на этого Прудона! Но и самъ Марксъ нашелъ своихъ социалистическихъ критиковъ, упрекавшихъ его въ томъ же, что порицалось имъ у другихъ—въ утопизмъ и метафизической игрѣ словъ. Не говоря уже о новѣйшихъ социалистическихъ критикахъ Маркса, то еще докторъ Пауль Бруссъ, теперь почти забытый, но въ свое время игравшій довольно видную роль французскій социалистъ, не разъ упрекалъ Маркса въ утопизмъ и наконецъ въ статьѣ, написанной имъ по случаю его смерти, назвалъ его даже послѣднимъ великимъ утопистомъ. Если, слѣдовательно, между социалистами, которые всѣ одинаково ссылаются на науку, существуетъ такое громадное разногласіе въ мнѣніяхъ, и если эти разногласія, какъ это въ дѣйствительности и есть, не касаются однѣхъ только внѣшностей и случайныхъ примѣненій, а затрагиваютъ во многихъ случаяхъ самыя основы ученія, то какъ не зародиться мысли, что они пожалуй всѣ не правы, что никому изъ нихъ не дано получить сказочнаго кольца, никто не вправѣ называть свой социализмъ научнымъ?

Однако, если даже оставить въ сторонѣ споръ между системами или теоріями и держаться исключительно ученія, которое въ борьбѣ за существованіе вышло между ними побѣдителемъ, мы имѣемъ въ виду марксизмъ, то и тутъ натолкнемся на мѣста, которыя способны поставить критически настроенныя натуры въ тупикъ.

Мы видѣли, что Фридрихъ Энгельсъ выводитъ научность социализма изъ двухъ теоретическихъ предпосылокъ, изъ которыхъ одна—ученіе о прибавочной цѣнности. «Было доказано», пишетъ Энгельсъ, «что присвоеніе неоплаченнаго труда

является основной формой капиталистического способа производства и свойственной ему эксплуатации рабочего; что капиталистъ, даже въ томъ случаѣ, когда онъ оплачиваетъ рабочую силу полной стоимостью, какую она въ качествѣ товара имѣетъ на рынкѣ, все таки извлекаетъ изъ нея больше стоимости, чѣмъ сколько она ему сама обошлась, и что эта прибавочная цѣнность въ послѣднемъ счетѣ образуетъ собою источникъ той суммы стоимостей, благодаря которымъ въ рукахъ имущихъ классовъ накапливается все возрастающая масса капитала. Такимъ образомъ было выяснено какъ происхождение капиталистического производства, такъ и производство самаго капитала» *).

Казалось, что послѣ сказаннаго мы вправѣ заключить, что между научнымъ доказательствомъ прибавочной цѣнности и социализмомъ существуетъ такая тѣсная связь, что изъ факта прибавочной цѣнности необходимость социализма сама собою вытекаетъ. Мы, однако, находимъ у Маркса и Энгельса цѣлый рядъ предложеній, которыя этому выводу противорѣчатъ. Самымъ яркимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить предложеніе, которое находится въ предисловіи къ нѣмецкому изданію «Нищеты философіи», написанномъ Энгельсомъ въ 1884 году. Тамъ Энгельсъ рѣзко выступаетъ противъ того взгляда, будто научность социализма можетъ быть выведена изъ факта прибавочной цѣнности. Этотъ взглядъ, заявляетъ онъ, ссылаясь при этомъ на одно выраженіе Маркса, экономически формально не вѣрно, ибо онъ является «просто примѣненіемъ морали къ экономіи». По законамъ буржуазной экономіи принадлежитъ большая часть продукта не рабочимъ, которые его произвели. «Говоримъ мы это несправедливо, этого не должно быть, то это прежде всего экономіи не касается»,—продолжаетъ Энгельсъ. «Мы говоримъ только, что такіе экономическіе факты противорѣчатъ нашему нравственному чувству. *Марксъ поэтому никогда не основывалъ на этомъ своихъ коммунистическихъ требованій, а на необходимомъ, предъ нашими глазами съ каждымъ днемъ все ближе надвигающемся крушеніи капиталистическаго способа производства. Онъ говорилъ только, что прибавочная цѣнность состоитъ изъ неоплаченнаго труда, что представляетъ собою простой фактъ*» **).

Все это звучитъ такъ различно отъ слышаннаго нами въ цитированномъ нѣсколько выше предложеніи, что у чита-

*) Изданіе третье, стр. 12—13.

***) Второе изд., стр. 10.

теля получается впечатлѣніе, будто онъ стоитъ предъ неразрѣшимымъ логическимъ противорѣчіемъ. Сначала ученіе о прибавочной цѣнности должно было служить однимъ изъ двухъ главныхъ основъ социализма; и мы знаемъ отъ Энгельса, что онъ свое произведеніе, гдѣ это мѣсто находится, читалъ Марксу еще до его напечатанія, въ манускриптѣ, и совмѣстно съ нимъ зрѣло обдумалъ его, такъ что оно какъ бы получило его одобреніе. И вдругъ объявляется, что ученіе о прибавочной цѣнности не можетъ служить доказательствомъ въ пользу социализма. Этимъ какъ бы сразу отнимается у насъ всякая твердая опора въ данномъ вопросѣ. Возможно, пожалуй, что явится кто нибудь, который выдумаетъ усомниться въ правѣ Энгельса на подобное заявленіе. Въдѣ въ попыткахъ найти болѣе или менѣе крупное разногласіе въ образѣ мышленія Энгельса и Маркса недостатка не было, да онѣ, если и проявляли на нашъ взглядъ склонность къ нѣкоторымъ преувеличеніямъ, не всегда оказывались безуспѣшными. Есть части, гдѣ Энгельсъ, очевидно, не можетъ считаться вполне точнымъ истолкователемъ Маркса. Но нашъ случай врядъ ли можетъ быть причисленъ къ нимъ. Имѣемъ же мы различныя выраженія самаго Маркса, которыя съ достаточной ясностью говорятъ намъ, что и онъ придерживался того же взгляда. Выраженіе Маркса, на которое Энгельсъ въ цитированномъ мѣстѣ*) ссылается, можетъ пожалуй тоже быть иначе истолковано, чѣмъ его толкуетъ онъ. Но если мы въ «Капиталѣ» читаемъ то обстоятельство, что въ приведенномъ тамъ примѣрѣ—«стоимость, производимая потребленіемъ рабочей силы (наемнаго рабочаго) въ теченіе дня, вдвое больше ея собственной поденной стоимости, представляеть собою» «особое счастье для покупателя (для капиталиста), но *вовсе несправедливость по отношенію къ продавцу*»

*) Мы здѣсь имѣемъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Маркса „Zur Kritik der politischen Oekonomie“ (Къ критикѣ политической экономіи): „Если мѣновая цѣнность продукта равняется содержащемуся въ ней рабочему времени, то мѣновая цѣнность рабочаго дня равняется его продукту. Иначе говоря, рабочая плата должна равняться продукту труда“. На дѣлѣ же это не такъ. Къ этому еще слѣдующее примѣчаніе: „Это со стороны экономистовъ противъ Рикардо сдѣланное возраженіе, было сподвзвачено социалистами. Признавъ эту формулу за теоретически вѣрную, они старались доказать существующее противорѣчіе между практикой и ею и обратились къ буржуазному обществу, приглашая его практически принять за осуществленіе того, что, какъ имъ казалось, съ такой консеквентностью вытекало изъ его же теоретическаго принципа. Въ такомъ видѣ по крайней мѣрѣ англійскіе социалисты обратили Рикардовскую формулу мѣновой стоимости противъ политической экономіи“. (Первое изд., стр. 40).

(рабочему)*); или когда встрѣчаемъ въ письмѣ Маркса по поводу проекта къ Готской программѣ: «не является ли оно—современное распредѣленіе дохода съ труда—въ сущности единственно «справедливымъ» распредѣленіемъ при теперешнемъ способѣ производства?», и непосредственно за этимъ же доказательство того, что при всякомъ общественномъ строѣ, за исключеніемъ новѣйшаго коммунизма, между платой за трудъ и продуктомъ труда необходимо существуетъ количественная разница, то у насъ не можетъ оставаться больше сомнѣнія, что замѣчаніе Энгельса вполнѣ совпадаетъ со взглядомъ Маркса.

И все таки употребляется въ популярной социаль-демократической литературѣ и при томъ даже въ сочиненіяхъ, имѣющихъ своимъ авторомъ самага Энгельса или получившихъ его и Маркса одобреніе, фактъ прибавочной цѣнности, какъ чрезвычайный аргументъ въ пользу социализма, объявляется опять и опять въ «Капиталѣ» прибавочная цѣнность эксплуатаціей;—а эксплуатация, гдѣ дѣло идетъ объ отношеніи между человѣкомъ и человѣкомъ, всегда означаетъ безнравственное использование, означаетъ грабежъ въ скрытой формѣ. Капиталисты такъ и являютъся, социальнo разсматриваемые, а не какъ отдѣльныя личности, выжимателями и обирателями рабочаго класса.

Какъ же, однако, согласуется это съ упомянутымъ замѣчаніемъ Энгельса? Слѣдующія слова Энгельса даютъ намъ нѣкоторое разъясненіе.

«Что экономически формально ошибочно, можетъ тѣмъ не менѣе съ исторической точки зрѣнія оказаться вѣрнымъ. Если нравственное сознаніе массъ объявляетъ какое нибудь экономическое условіе, какъ въ свое время рабство или крѣпостничество, несправедливымъ, то это служитъ доказательствомъ, что указанный фактъ успѣлъ уже пережить себя, что появились другіе экономическіе факты, въ силу которыхъ прежній сталъ невыносимъ и невозможенъ. За формально экономически невѣрнымъ можетъ такимъ образомъ скрывать-ся *вполнѣ вѣрное экономическое содержаніе*».

Это значить, что не фактъ прибавочной цѣнности самъ по себѣ свидѣтельствуетъ въ пользу необходимости измѣненія существующаго строя въ социалистической, а осужденіе прибавочной стоимости массами, признаніе ее эксплуатаціей является доказательствомъ нестерпимости даннаго строя, слу-

*) Томъ первый, глава 5, отдѣлъ 2. Процессъ образованія цѣнности. 4-ое изд., стр. 156—157.

жить, такъ сказать, показателемъ того, что существующее положеніе вещей стало невыносимо,—только эту несостоятельность *не слѣдуетъ* искать въ фактѣ присвоенія прибавочной цѣнности, а *въ другихъ экономическихъ условіяхъ*.

Если это такъ, то оно по моему мнѣнію опровергаетъ положеніе, будто съ открытіемъ прибавочной цѣнности социализмъ сталъ наукой. Само открытіе можетъ научно стоять еще такъ высоко, можетъ быть теоретически еще такъ неопровержимо, оно тѣмъ не менѣе, послѣ полученнаго здѣсь разъясненія, теряетъ силу всякаго научнаго доказательства социализма. Болѣе того, оно въ виду сказаннаго не можетъ даже служить научнымъ доказательствомъ несостоятельности существующаго общественнаго строя. Последнее также мало, какъ, скажемъ, открытіе, что при невольничьемъ трудѣ рабы принуждены были производить больше, чѣмъ сами потребляли, могло бы считаться научнымъ доказательствомъ противъ основаннаго на рабствѣ общественнаго строя.

Кстати сказать, считаю я выраженіе открытіе по отношенію къ установленію прибавочной цѣнности Марксомъ большимъ заблужденіемъ. Извѣстно, что фактъ существованія прибавочной цѣнности знакомъ былъ еще задолго до Маркса, и я долженъ признаться, что поскольку дѣло при этомъ касалось установленія того обстоятельства, что получаемая рабочимъ плата содержитъ въ себѣ не сполна разницу между рыночной стоимостью готоваго продукта и цѣной сырого матеріала вмѣстѣ съ расходомъ по порчѣ инструментовъ и друг., мнѣ это открытіе не казалось особенно большой заслугой. Главное значеніе данныхъ главъ у Маркса состоитъ въ *раскрытіи* и глубокомъ *анализѣ* способа и методовъ *производства прибавочной цѣнности* въ капиталистическомъ хозяйствѣ и ея послѣдствій для общественнаго развитія. На мой взглядъ для познавательной цѣнности большей части соотвѣтственныхъ изслѣдованій Маркса довольно даже безразлично, признаетъ ли кто во всѣхъ пунктахъ Марксова объясненія происхожденія прибавочной цѣнности или нѣтъ. Вамъ, вѣроятно, не безызвѣстно, что существуетъ теперь довольно много социалистовъ, не признающихъ исходной точки зрѣнія Марксовой теоріи прибавочной цѣнности: разложеніе цѣнности на измѣряемая временемъ различныя количество человеческого труда, а придержащихся теоріи цѣнности предѣльной полезности англо-австрійской школы. Но эти социалисты тѣмъ не менѣе признаютъ, что рабочей теперь эксплуатируется и принужденъ выполнять прибавочный трудъ; только ведутъ они свое доказательство другимъ, по ихъ мнѣнію ме-

нѣе метафизическимъ путемъ *). Существуютъ даже такіе, которые считаютъ ошибочнымъ все это привлеченіе ученія о цѣнности для доказательства факта эксплуатаціи и которые помимо всякой теории цѣнности выводятъ этотъ фактъ изъ ученія о производствѣ, изъ прибавочнаго продукта. Примѣромъ тому можетъ послужить интересная книга профессора Antonio Graziodedi въ Бари: «La Produzione Capitalistica» **).

Вернемся, однако, къ нашей темѣ. По Энгельсу, у насъ имѣется въ нравственномъ возмущеніи массъ противъ прибавочной цѣнности, въ осужденіи прибавочной цѣнности, какъ эксплуатацію, показатель того, что *другіе* экономическіе факты дѣлають теперешній, на этой прибавочной цѣнности покоющійся, хозяйственный строй невыносимымъ и невозможнымъ. Что это за факты?

Энгельсъ въ указанномъ мѣстѣ заявляетъ, что свои коммунистическія требованія Марксъ основывалъ на необходимомъ, предъ нашими глазами все болѣе и болѣе совершающемся крушеніи (*Zusammenbruch*) капиталистическаго способа производства. Вотъ по поводу этого представленія—объясненіе социализма какъ необходимаго слѣдствія крушенія—происходили, какъ вамъ быть можетъ извѣстно, нѣсколько времени тому назадъ довольно оживленные дебаты въ рядахъ теоретически мыслящихъ членовъ социаль-демократіи, показавшія, что между людьми, вмѣстѣ вышедшими изъ школы Маркса, существуетъ не малое разногласіе во мнѣніяхъ. Я здѣсь этихъ дебатъ, такъ какъ самъ принималъ въ нихъ участіе, ближе касаться не намѣренъ. Достаточно будетъ указать на тотъ фактъ, что онѣ обнаружили больше, чѣмъ два различныхъ взгляда на то, какъ понимать крушеніе; и если вы глубже вникните въ приведенныя сейчасъ слова Энгельса, то и

*) Для нихъ прибавочная цѣнность принадлежитъ къ категоріи *ренды*, иначе говоря, въ своихъ различныхъ подраздѣленіяхъ она образуетъ каждый разъ одну изъ различныхъ частныхъ формъ собирательнаго понятія рента, обнимающаго собою всякій доходъ, получается ли онъ съ имущества, монополій, привилегій и т. п. Ясно, что и на основаніи этой теории можно придти къ той же принципиальной позиціи въ борьбѣ противъ присвоенія прибавочной цѣнности капиталистами и монополистами, какъ и на основаніи Марксовой теории прибавочной цѣнности. И вопросъ не столько въ томъ, на сколько это вѣрно, а то нѣтъ,—ибо въ сущности это только два различныхъ способа для выраженія одной и той же основной мысли—сколько, собственно, въ томъ, какая изъ нихъ имѣеть за собою преимущество большей цѣнности и ясности понятій. Вопросъ, который самъ опять обрѣтаетъ значеніе для практики лишь на высокой ступени социального развитія.

**) Сравни прибавленіе 1-ое.

поймете почему. Что въ этой связи означаетъ слово «необходимо», что «крушеніе капиталистическаго способа производства»? Можно при этомъ предложеніи думать о неизбѣжномъ экономическомъ крушеніи, о большой хозяйственной катастрофѣ; но можно думать и о великомъ крушеніи общественнаго строя, покоящемся на капиталистическомъ способѣ производства, а между этими мыслимы еще и всякія другія комбинаціи. И затѣмъ, доказана ли вообще *необходимость* крушенія, возможно ли его научное доказательство? Или не является ли оно быть можетъ только болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніемъ? И дальше, слѣдуетъ ли дѣйствительно социализмъ съ научной необходимостью изъ крушенія капиталистическаго способа производства? Это все вопросы, на которые намъ приходится дать отвѣтъ или значеніе которыхъ намъ необходимо выяснитъ себѣ, если хотимъ установить научность социализма. Весь историческій опытъ говоритъ за это и многія современныя явленія служатъ тому подтвержденіемъ, что капиталистическій способъ производства также преходящъ, какъ и прежніе способы производства; но здѣсь весь вопросъ въ томъ, кончится ли онъ катастрофой, нужно ли полагать, что эта катастрофа произойдетъ въ ближайшемъ будущемъ и ведетъ ли она съ *необходимостью* къ социализму. И на этотъ вопросъ или эти вопросы социалисты довольно сильно расходятся въ своихъ отвѣтахъ.

Не иначе дѣло обстоитъ и съ различными другими гипотезами или дедукціями, которыми социалисты обыкновенно пользовались для доказательства социализма. Стоитъ мнѣ только напомнить вамъ судьбу такъ называемаго желѣзнаго закона заработной платы, на который Лассаль въ свое время основывалъ свою агитацію. Рѣдко когда либо вѣрилось въ какое нибудь экономическое ученіе съ такой твердостью и такой горячностью, какъ въ это. Въ теченіи долгихъ лѣтъ оно являлось лозунгомъ для современнаго рабочаго движенія, символомъ вѣры, изъ котораго его лучшіе и преданнѣйшіе члены черпали свои душевныя силы. И вдругъ въ одинъ прекрасный день объявляется съ—можно почти сказать суровой—рѣшительностью: этотъ «законъ» не существуетъ, его обоснованіе не научно, онъ долженъ исчезнуть изъ нашей программы. Не одному честному борцу стоило тогда, если я хорошо освѣдомленъ, довольно мучительной и тяжелой внутренней борьбы, пока онъ рѣшился на признаніе новаго толкованія; но—помирились! Теперь «законъ» этотъ совершенно оставленъ и, на мой взглядъ, до извѣстной степени не совсѣмъ осно-

вательно,—о немъ никто больше не говоритъ. Позвольте мнѣ дальше напомнить вамъ о томъ ученіи, согласно которому съ развитіемъ капитализма экономическое положеніе рабочихъ необходимо все больше ухудшается, становится все болѣе невыносимо печальнымъ—ученіи, извѣстномъ подъ именемъ теорія обнищанія. Эта теорія была нѣкогда сильно распространена и казалась научно твердо обоснованной. Она проходила красной нитью по всему Коммунистическому Манифесту и встрѣчается часто въ произведеніяхъ послѣдующей социалистической генераціи, но и она теперь оставлена. Затѣмъ, теорія о параллельности въ ходѣ развитія въ промышленности и земледѣліи, о все усиливающейся концентраціи капитала въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, объ уничтоженіи раздѣленія труда—цѣлый списокъ теорій, считавшихся научно обоснованными и оказавшихся впоследствии ошибочными—нѣтъ, не будемъ преувеличивать, только *полустинами*.

Однако, не полная истина часто бываетъ для научности предмета куда погубнѣе полного заблужденія, и потому можно было бы, пожалуй, глядя на всѣ тѣ приведенныя и много другихъ измѣненій во взглядахъ со стороны представителей социализма на социальныя явленія—и второе основное положеніе научнаго социализма: материалистическое пониманіе исторіи испытало не мало превратностей—можно было бы, говорю я, соблазниться присоединить и свой голосъ къ тѣмъ, которые толкуютъ о научномъ банкротствѣ социализма. Въ то время, когда мы на сторонѣ практическаго движенія видимъ социализмъ въ постоянномъ движеніи впередъ, видимъ социалистическія партіи почти во всѣхъ странахъ достигать успѣхъ за успѣхомъ, рабочее движеніе выигрывать одну позицію за другой и все увѣреннѣе подвигаться впередъ къ опредѣленнымъ имъ самимъ себѣ поставленнымъ цѣлямъ, формулируя все яснѣе свои требованія, кажется, что въ области науки социализмъ вмѣсто достиженія большого единства, идетъ на встрѣчу распаденію теоріи, что вмѣсто увѣренности въ рядахъ теоретическихъ представителей социализма вселяется сомнѣніе и разладъ. Такимъ образомъ, видя, что одно другому не является помѣхой, предъ нами вполне естественно выступатьъ въ вопросъ, существуетъ ли вообще какая либо внутренняя связь между социализмомъ и наукой, *возможенъ* ли научный социализмъ и какъ социалистъ прибавлю еще вопросъ—*нуженъ* ли вообще научный социализмъ?

Не думайте, что этотъ вопросъ теперь впервые выдвигается. Имъ занимались въ другихъ странахъ люди съ боль-

шими знаніями, да и вашъ референтъ ставилъ его, хотя въ другихъ немного выраженіяхъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Да вопросъ этотъ, въ томъ видѣ какъ онъ здѣсь предложенъ, врядъ ли можетъ считаться удачно формулированнымъ.

Позвольте мнѣ въ этомъ мѣстѣ напомнить вамъ примѣръ изъ другой области знанія. Въ серединѣ восемнадцатаго столѣтія въ области философіи господствовалъ большой разбродъ. Умы, казалось, перестали понимать другъ друга. Но вотъ появляется въ 1781 году въ Кенигсбергѣ Эмануилъ Кантъ со своей критикой чистаго разума, главной цѣлью которой было точное выясненіе возможныхъ задачъ философіи, познаніе границъ разумнаго философствованія. И когда книга его, вслѣдствіе тяжеловатости ея слога, не сразу была понята, то онъ въ 1783 году постарался помочь этому тѣмъ, что изложилъ свои основныя воззрѣнія въ болѣе доступной формѣ въ произведеніи, которому онъ далъ названіе: «Прелегамены къ каждой будущей метафизикѣ, которая сможетъ выступить какъ наука». Въ этомъ сочиненіи онъ, послѣ необходимыхъ предварительныхъ разъясненій, выставляетъ два вопроса, на которые затѣмъ и отвѣчаетъ при помощи тонкаго анализа понятій. Первый вопросъ гласитъ: возможна ли вообще метафизика? Второй—возможна ли метафизика какъ наука? *)

Я думаю, что этотъ примѣръ великаго философа можетъ послужить для насъ указаніемъ, что намъ необходимо предпринять, чтобы достичь удовлетворительнаго разрѣшенія интересующей насъ проблемы. Конечно, намъ нѣтъ надобности придерживаться рабски той же формы постановки вопросовъ, какой мы ее видимъ у Канта; напротивъ, мы должны приноровить вопросы о природѣ того предмета, съ которымъ намъ приходится имѣть дѣло. Но они должны быть поставлены нами въ томъ же критическомъ духѣ, какъ ставилъ

*) Отвѣтъ Канта на послѣдній вопросъ гласитъ, какъ извѣстно, что метафизика, какъ наука, возможна только именно какъ критика чистаго, т. е. опыту предшествующаго и дѣлающаго его лишь возможнымъ, разума или, какъ это мы теперь скажемъ, какъ *критика познанія*. „Такимъ образомъ критика содержитъ въ себѣ, и только она одна, весь хорошо испытанный и оправдавшій себя планъ и даже всѣ средства исполненія, помощью которыхъ метафизика можетъ быть поднята на степень науки. Иныхъ средствъ и путей для этого не имѣется“. (Изданіе Reclam'a стр. 155-ая). Какъ Канту ни пришлось потерпѣть вслѣдствіе современной эволюціонной теоріи въ отдѣльныхъ частяхъ своей критики разума, его принципиальная точка зрѣнія относительно ея основныхъ положеній и значенія остается и до сихъ поръ непоколебимой.

Кантъ, въ томъ самомъ духѣ, который направленъ съ такой же рѣзкостью противъ подкапывающаго всякое теоретическое мышленіе *скептицизма*, какъ и противъ во всякое время готоваго *догматизма*. Намъ необходимо раньше всего выяснить себѣ, что мы вообще должны понимать подъ социализмомъ, когда рѣчь идетъ объ отношеніи его къ наукѣ, а затѣмъ перейти къ вопросу: возможенъ ли научный социализмъ и какимъ образомъ онъ возможенъ?

Что такое социализмъ? Могутъ быть различныя отвѣты на этотъ вопросъ; но для нашего изслѣдованія могутъ быть пригодны только такіе, которые имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ представленіе о какомъ либо опредѣленномъ общественномъ строѣ. Они могутъ быть подведены подъ двѣ группы. Можно сказать, что социализмъ—это картина опредѣленнаго общественнаго строя, представленіе, ученіе о такомъ и можно представить себѣ его, какъ движеніе къ опредѣленному общественному строю. Но понимаемъ ли мы его какъ опредѣленное состояніе, какъ ученіе или движеніе, всегда онъ связанъ при этомъ *идеалистическимъ* элементомъ—или онъ самъ этотъ идеалъ, или же движеніе къ такому идеалу. Онъ составляетъ такимъ образомъ какъ-бы кусокъ *другого міра*, само собою разумѣется, не міра внѣ планеты, на которой мы живемъ, но внѣ того, о чемъ у насъ имѣются положительныя данныя. Социализмъ нѣчто такое, что быть *должно*, или же движеніе въ сторону того, что быть *должно*. Это вѣрно даже и по отношенію къ консервативнымъ системамъ социализма. Однако, послѣднихъ мы не будемъ принимать въ расчетъ при нашемъ изслѣдованіи, такъ какъ онъ въ сущности несправедливо пользуется названіемъ социализмъ. Чтобы избѣгнуть всякой путаницы въ понятіяхъ, мы хорошо сдѣлаемъ, если слово социализмъ произведемъ не отъ не вполне яснаго понятія *societas*—общество, а отъ гораздо болѣе опредѣленнаго—*socius*—товарищъ, *товарищество*. Подъ словомъ общественное можно понимать всевозможное, и въ производствѣ отъ слова общественное можетъ понятіе социальное, социалистически быть употреблено для стремленій, которыя ничего общаго не имѣютъ съ тѣмъ, чего современныя социалистическія рабочія партіи желаютъ и къ чему онѣ стремятся. Напротивъ, нѣтъ ни одного требованія этихъ партій, которое не вмѣстилось бы въ рамки понятія товарищество. Въ этомъ смыслѣ я въ свое время опредѣлилъ социализмъ, какъ *движеніе въ сторону товарищества* и въ этомъ же смыслѣ мы и здѣсь будемъ его впредь употреблять *).

*) Сравни прибавленіе II.

Когда говорить о научномъ социализмѣ, то нужно имѣть всегда въ виду, что рѣчь идетъ только объ обоснованіи социалистическихъ *стремленій*, социалистическихъ *требованій*, о лежащей въ основаніе этихъ требованій *теоріи*. Социалистическое движеніе, какъ массовое явленіе, хотя и служить предметомъ этой теоріи, котораго понять, объяснить и, смотря по тому также и защититъ она стремится, можетъ, однако, также мало считаться научнымъ движеніемъ, какъ, скажемъ, нѣмецкая крестьянская война, французская революція или другая такая историческая борьба. Социализмъ, какъ *наука* ссылается на *познаніе*, социализмъ, какъ *движеніе*, имѣетъ своимъ главнымъ мотивомъ *интересъ*. Причемъ необходимо подчеркнуть, что интересъ здѣсь не понимается въ смыслѣ исключительно личнаго или узко-экономическаго интереса. Существуетъ также и *моральный* (соціально восприимчивый), *идеалистическій* интересъ. Но безъ интереса нѣтъ соціальной дѣятельности. Познаніе можетъ вызывать и направлять интересъ, но само оно остается наружно до тѣхъ поръ бездѣятельнымъ, пока не приходитъ въ интимную связь съ интересомъ, не соединяется съ нимъ окончательно. Съ своей стороны въ состояніи также и матеріальный или идеологическій интересъ споспѣшествовать познанію, быть полезнымъ распространенію познанія; но онъ это сознательно и намѣрено лишь постольку всегда будетъ дѣлать, поскольку познаніе споспѣшствуетъ его цѣлямъ или по меньшей мѣрѣ имъ не вредитъ. Между наукой, какъ носительницей познанія и всякимъ политическимъ, экономическимъ, спекулятивнымъ интересомъ всегда поэтому можетъ существовать противорѣчіе.

II.

Новѣйшій социализмъ является, по выраженію Энгельса, результатомъ господствующей въ современномъ обществѣ *классовой борьбы* между имущими и неимущими, между буржуазіей и наемными рабочими. Ясно, что какъ таковой онъ не можетъ считаться чистымъ движеніемъ научнаго познания. Классовая борьба—это борьба интересовъ. И хотя всякій интересъ, чтобы привести къ борьбѣ, долженъ быть болѣе или менѣе ясно познанъ, а представленіе о первоначально лишь случайной, лишь въ данной мѣстности и въ данной профессіи происходящей и вокругъ второстепенныхъ предметовъ разыгрывающейся борьбѣ между имущими и неимущими, какъ объ общей, исторически обусловленной классовой борь-

бѣ, предполагаетъ даже довольно развитое познаніе общественныхъ взаимоотношеній, тѣмъ не менѣе она всегда остается такой борьбой, при которой главная цѣль—защита интересовъ извѣстнаго класса или партіи, а не принциповъ познанія,—последнихъ, пожалуй, лишь постольку, поскольку они съ этими интересами совпадаютъ. Къ этому необходимо добавить, что социализмъ представляетъ собою нѣчто большее чѣмъ простое обобщеніе тѣхъ пунктовъ, вокругъ которыхъ вертится борьба, происходящая отъ времени до времени между рабочими и имущими въ области экономической и политической. Какъ доктрина, онъ является теоріей этой борьбы, какъ движеніе—ея обобщеніе съ точки зрѣнія опредѣленной цѣли: измѣненія капиталистическаго строя въ коллективистически урегулированное хозяйство. Эта цѣль не есть, однако, лишь заранѣе предсказанный теоріей актъ, наступленіе котораго ожидается съ большей или меньшей фаталистичностью, напротивъ, она *выставлена вполне сознательно* и ради достиженія ея *ведется борьба*. Но ставя себѣ цѣлью такой предполагаемый имъ будущій строй и стараясь свои дѣйствія въ настоящемъ вполне подчинить этой цѣли, социализмъ тѣмъ самымъ является до извѣстной степени утопичнымъ. Этимъ я, разумѣется, не имѣю въ виду сказать, что социализмъ добивается чего-то невозможнаго или недостижимаго, я хочу только констатировать, что онъ содержитъ въ себѣ элементъ спекулятивнаго идеализма, извѣстную долю научно недоказаннаго или не подающагося научному установленію. Относящаяся сюда наука, социологія, не въ состояніи съ такой же достовѣрностью, съ какой это дѣлается точными науками по отношенію къ извѣстнымъ явленіямъ, предсказать заранѣе, что тотъ общественный строй, котораго социализмъ добивается, наступитъ при *всякихъ* обстоятельствахъ. Что она въ состояніи—это только развить тѣ условія, при которыхъ онъ имѣетъ больше всего шансовъ наступить и сдѣлать приблизительную оцѣнку степени его вѣроятности.

Однако разсматривать этотъ не базирующій на вполне научныхъ данныхъ элементъ въ социализмѣ, какъ исключительный недостатокъ социалистической теоріи, вовсе еще не слѣдуетъ. Подобно тому, какъ самыя точныя науки, чтобы развиваться дальше, непремѣнно нуждаются въ гипотезѣ, такъ и направленная на усовершенствованіе общества опытная социологія не въ состояніи обойтись безъ идеала будущаго общественного строя. Но такое предвосхищеніе будущихъ событій всегда до извѣстной степени утопія. Какъ я уже замѣтилъ, я употребляю здѣсь это слово не въ смыслѣ чего-то

совершенно нереального, чего-то фантастического. Не рѣдко оно, несомнѣнно, употребляется и въ этомъ смыслѣ; но если бы оно имѣло только это значеніе, то было бы величайшей несправедливостью употреблять его въ связи съ такими именами, какъ Робертъ Оуэнъ, Сень-Симонъ, Фурье—этихъ трехъ предшественниковъ современнаго социализма, обыкновенно именуемыхъ великими утопистами XIX столѣтія.

Энгельсъ приобрѣлъ себѣ въ уже цитированныхъ выше его произведеніяхъ большую заслугу тѣмъ, что взялъ подъ свою защиту названныхъ социалистовъ противъ высокоумной и несправедливой критики, которая встрѣчается въ то время не у одного только его противника Дюринга. Ему то они и обязаны реабилитацией своего добраго имени. И онъ это сдѣлалъ не безъ основанія—у этихъ «утопистовъ» есть еще чему поучиться и нашему времени. Существуетъ, очевидно, и *творческая фантазія*, которая, въ связи съ яснымъ пониманіемъ реальныхъ силъ и всего вокругъ насъ происходящаго, въ состояніи, такъ сказать, измышлять жизнеспособное, предвосхищать весьма важныя открытія*).

*) Въ статьѣ, откуда взято мною motto для настоящей брошюры, англійскій историкъ культуры Томасъ Бокль указываетъ на цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ открытій, сдѣланныхъ преимущественно путемъ дедуктивнымъ, обязанныхъ силѣ воображенія поэтически одаренныхъ умовъ. „Гете, величайшій поэтъ Германіи, пожалуй, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ вообще“, пишетъ онъ между прочимъ, „сдѣлалъ это открытіе—дѣло идетъ о метаморфозѣ растений—не смотря на то, а именно вслѣдствіе того, что онъ былъ сыномъ музъ“. И дальше: „Во внутренней жизни человѣка существуетъ еще какая-то духовная, поэтическая и насколько мы знаемъ добровольно дѣйствующая сила, которая не перестаетъ предъ нами внезапно, неожиданно раскрывать завѣсу, за которой таится будущее и даетъ намъ возможность смѣлой рукой дотрагиваться до истины“. Онъ выражаетъ надежду, что онъ „не совсѣмъ напрасно заступался за такъ не разумно отодвинутый на задній планъ въ Англіи дедуктивный методъ изслѣдованія“. Сказаннымъ онъ вовсе не имѣетъ въ виду выступать противъ состоятельности индуктивнаго метода, онъ только возстаетъ противъ того, что Энгельсъ въ своемъ предисловіи къ второму изданію Антидюринга называетъ унаслѣдованнымъ отъ англійскаго эмпиризма закоснѣлымъ методомъ мышленія (*bornierte Denkethode*). Но въ этомъ отношеніи существуетъ извѣстная граница. Вотъ что говорить по этому поводу великій Кантъ: „Воображенію, пожалуй, еще простительно предаваться отъ времени до времени различнымъ фантазіямъ, т. е. не держаться робко въ границахъ опыта; такой свободный полетъ можетъ по крайней мѣрѣ чему нибудь научить его, дать ему возможность окрѣпнуть. Всегда легче умѣрить смѣлые порывы, чѣмъ оживить дряблость. Но если разумъ, дѣло котораго мыслить, вмѣсто того передается *фантазіямъ*, этого ему никогда простить невозможно, ибо въ немъ одномъ все спасеніе, онъ одинъ способенъ тамъ, гдѣ это необходимо, ввести обратно все должныя границы разыгравшуюся фантазію“ (Прелегамены, § 35).

Оуэнъ, Сень-Симонъ и Фурье были для своего времени довольно большими реалистами, понимая, конечно, это слово не въ смыслѣ холодныхъ, только настоящимъ живущихъ, за предѣлами непосредственныхъ интересовъ ничего не видящихъ филистеровъ, а въ смыслѣ людей, глубже вникающихъ въ проблемы своего времени и проявляющихъ въ дѣлѣ раскрытія и изслѣдованія опредѣляющихъ человѣческія дѣйствія силъ больше дальнозоркости, чѣмъ предающіеся мелкимъ запросамъ дня ихъ современники. Многое, что въ ихъ теоріяхъ и практическихъ предложеніяхъ кажется намъ теперь плодомъ чрезвычайной наивности, чѣмъ то абсолютно несостоятельнымъ, имѣло для ихъ времени не мало значенія и вполне соответствовало тѣмъ условіямъ, при которыхъ они жили, тѣмъ силамъ, съ которыми имъ приходилось считаться *).

Робертъ Оуэнъ, чтобы начать съ него, выработалъ себѣ на основаніи интимнаго своего знакомства съ ученіями передовыхъ мыслителей той эпохи, какъ и съ социальными послѣдствіями, порожденными техническими переворотами въ промышленности, такое возрѣніе на общество, которое чрезвычайно близко соприкасается съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Выставленное имъ, хотя до извѣстной степени преувеличенное, но въ основаніи своемъ полноѣ рачіональное положеніе, проповѣдывать котораго онъ не уставалъ и которое служитъ исходнымъ пунктомъ его проектовъ общественнаго переустройства, а именно, что *характеръ чело-
вѣка образуется не имъ самимъ, а является результатомъ цѣлаго ряда внѣ его лежащихъ факторовъ*—это положеніе, согласно которому характеръ и поступки чело-
вѣка обусловливаются, съ одной стороны, унаслѣдованной имъ отъ своихъ родителей организаціей, съ другой—условіями, его окружающими, служитъ также основаніемъ и историческаго матеріализма Маркса. Уже въ 1815 г. Оуэнъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій указываетъ на то, какія глубокія измѣненія

*) Если принять во вниманіе напр. низкій уровень умственного и нравственнаго состоянія англійскихъ рабочихъ и природу политическихъ партій Англій ко времени главной дѣятельности Оуэна, то станетъ вполне ясно, почему Оуэнъ избѣгалъ всякой партійной политики и связанной съ нею политической дѣятельности, обращаясь вмѣсто этого съ призывомъ къ участию въ дѣлѣ реформированія общества къ благомыслящимъ элементамъ всѣхъ классовъ, и партій. Но отстраненіе отъ партійной политики еще не означало для Оуэна принципиальнаго отказа отъ политическихъ реформъ и законодательныхъ мѣропріятій въ пользу рабочаго класса. Онъ былъ, какъ уже указывали Марксъ и Энгельсъ, однимъ изъ самыхъ рьяныхъ агитаторовъ въ пользу рабочаго законодательства и принималъ участіе въ многочисленныхъ агитаціяхъ и демонстраціяхъ за актуальныя требованія рабочихъ.

въ соціальной жизни націи вызываются распространениемъ фабричной промышленности *).

Всѣ предложенія Оуэна, направленные на урегулирование хозяйственныхъ отношеній, имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ крупную промышленность, какъ наиболее развитую экономическую форму. Его планы организаціи коллективистическихъ обществъ—«Home Colonies», какъ онъ ихъ называлъ,—покоились на точныхъ вычисленіяхъ, опиравшихся на тогдашнемъ состояніи техники. И если они, вслѣдствіе своей недостаточности въ сравненіи съ тѣмъ, что ими предполагалось достигнуть, представляются намъ теперь утопичными, то для своего времени они были шагомъ впередъ отъ фантастическаго утопизма. Стремленія Оуэна всегда были направлены къ тому, чтобы сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ требованіями науки; и образовательныя учрежденія, созданныя его учениками, названы были ими «дворцами науки»—Halls of Science. Критика Оуэна современной ему официальной экономіи рѣдко касается какихъ либо отдѣльныхъ вопросовъ, но на основаніи высказанныхъ имъ взглядовъ талантливые послѣдователи его **) создали много цѣннаго въ смыслѣ критики буржуазной экономіи.

Шарль Фурье не менѣе Оуэна былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы дать задуманной имъ общественной реформѣ научный фундаментъ. Онъ шелъ далеко при построеніи своихъ философскихъ воззрѣній; при рисуемой лежащихъ въ глубинѣ временъ стадіи развитія имъ заносилась необузданная его фантазія, связанная къ тому какой-то чрезвычайной маніей къ діалектической игрѣ съ понятіями, за предѣлы всякой допустимой гипотезы, за нимъ все таки остается та заслуга, что благодаря ему историческая и соціологическая наука обогатилась цѣлымъ рядомъ чрезвычайно плодотворныхъ мыслей ***). Въ своемъ ученіи о побужденіяхъ и страстяхъ онъ проявляетъ

*) Observation on the Effect of the Manufacturing System. „До сихъ поръ“, пишетъ тамъ Оуэнъ, „законодатели, очевидно, разсматривали фабричную промышленность исключительно съ точки зрѣнія источника національнаго богатства. Всѣ же остальные чрезвычайныя послѣдствія, порождаемыя распространениемъ фабричной промышленности въ томъ случаѣ, когда послѣдняя представляется исключительно естественному своему развитію, никогда еще не обращали на себя вниманія кого либо изъ законодателей. А между тѣмъ указываемыя нами политическія и моральныя послѣдствія заслуживаютъ того, чтобы ими занимались лучшіе умы, какъ и самыя великіе и мудрые государственные дѣятели. Широкое распространеніе въ странѣ мануфактурной и фабричной промышленности выработываетъ у ея жителей новый характеръ“.

**) Thompson, Bray, Hodgskin и др.

***) Сравни добавленіе III.

себя глубокимъ изслѣдователемъ человѣческой души; и его идея дать возможность всѣмъ этимъ побужденіямъ и наклонностямъ, именно въ свободномъ ихъ проявленіи и удовлетвореніи, содѣйствовать общему благу, его требованія сдѣлать работу привлекательной или распредѣлять ее съ такимъ расчетомъ, чтобы каждый выполнялъ лишь ту часть ея, которая больше всего ему по душѣ, должны быть признаны цѣнными приобрѣтеніями. Его сочиненіе: «Traite de l'association domestique agricole» представляетъ собою въ своихъ критическихкихъ частяхъ чрезвычайно удачное освѣщеніе всего экономическаго положенія Франціи того времени, а выставленныя въ позитивной его части предложенія объ ассоціаціяхъ (фаланстеріи), долженствовавшихъ объединить въ себѣ промышленность, земледѣліе и домашнее хозяйство, еще болѣе, чѣмъ Оуэновскія ассоціаціи, рассчитаны на крупное производство, преимущества котораго Фурье не уставалъ доказывать.

У *Сень-Симона* трудно найти что либо такое, что могло бы быть названо утопичнымъ въ смыслѣ невозможнаго или немыслимаго, или считается простой фантастической спекуляціей. Пожалуй, и онъ уносился фантазіей за предѣлы непосредственно предъ нимъ лежащаго, и его она заставляла развивать идеи, которыя могли быть лишь дѣломъ отдаленнаго будущаго; но сама фантазія его покоилась сплошь на научномъ изслѣдованіи и научныхъ выводахъ. Сень-Симонъ можетъ быть названъ отцомъ современной социологии. Что впоследствии было разработано методически и приведено въ законченную систему его ученикомъ и сотрудникомъ Огюстомъ Контомъ, то по идеямъ своимъ находится уже большей частью развитымъ у Сень-Симона. Ему принадлежитъ требованіе расширить понятіе науки до такихъ предѣловъ, чтобы оно обнимало собою все содержаніе общественной жизни. Отъ него мы имѣемъ ту мысль, что общественныя отношенія: *имущественное распредѣленіе; условія производства и образованіе классовъ* являются опредѣляющими моментами существующаго въ каждое данное время государственнаго строя. Отъ него—раздѣленіе фазъ развитія человѣческаго духа на эпохи теологическаго, метафизическаго и позитивнаго, т. е. научнаго міропониманія и указаніе на то, что между этими видами мышленія и каждымъ даннымъ общественнымъ строемъ существуетъ причинная связь. Отъ него и Конта, наконецъ, раздѣленіе историческаго развитія общества на періоды *критическіе* и періоды *органическіе*,—последніе это тѣ, гдѣ между основами и строемъ общества существуетъ гармонія, первые тѣ, гдѣ идеи, лежащія въ основаніи обще-

ственного строя, оспариваются въ ихъ справедливости и теряютъ свою обязательную силу. Это періодъ появленія новыхъ классовъ, выступающихъ враждебно противъ власть имущихъ; въ немъ противорѣчія достигаютъ свой кульминаціонный пунктъ, старый строй рушается и создается новый. Прокламируется «новая религія», которая достаточно соотвѣтствуетъ измѣнившимся условіямъ общественной жизни. Общество вновь вступаетъ въ фазу *органическаго* состоянія, въ состояніе «соціальной синтезы». Классомъ, становящимся въ новѣйшее время все болѣе вліятельнымъ элементомъ, является первоначально у Сень-Симона классъ *индустриалистовъ*, подъ каковымъ терминомъ понималось тогда еще, согласно состоянію тогдашней Франціи, промышленники и рабочіе *вмѣстѣ*;—первые, какъ начальники или «шефы» промышленности. Контъ и созданная имъ позитивная школа продолжаютъ придерживаться этого взгляда; но для собственно Сень-симонистской школы понятіе индустриалистъ или, что одно и то же, продуцентъ является равнозначущимъ съ понятіемъ рабочій, а у радикальнаго крыла этой школы изъ рабочаго вскорѣ становится пролетарій *).

Попытка Сень-Симона основать новое христіанство не можетъ считаться противорѣчивой научному характеру его ученія; это христіанство не предполагалось догматическимъ, а естественной, на разумѣ основанной религіей. Контъ, уступавшій своему учителю въ геніальности, но превосходившій его методичностью мышленія, доходившей, правда, у него въ послѣдствіи по временамъ до смѣшной педантичности, устранилъ также и изъ названія все то, что могло еще напомнить на откровеніе основанную религію и назвалъ свою новую вѣру Religion de l'Humanité—религіей человечества. Этимъ имѣлось въ виду уничтожить всякій дуализмъ между научнымъ мышленіемъ и религіознымъ чувствомъ.

Если мы теперь въ сравненіи съ доктринами этихъ трехъ такъ называемыхъ утопистовъ рассмотримъ ученіе Маркса, то найдемъ, что послѣднее, хотя и содержитъ въ себѣ значительно больше научнаго элемента, но что и въ немъ также мало, какъ и въ первыхъ, наука составляетъ *все*. Область, пре-

*) Согласно съ этими воззрѣніями Сень-симонисты уже довольно рано стали развивать энергичную дѣятельность среди рабочихъ. Такъ между прочимъ въ сильно развитомъ въ промышленномъ отношеніи Ліонѣ. Произошедшему тамъ въ ноябрѣ 1831 года и принявшему широкіе размѣры бунту ткачей предшествовало почти непосредственно сень-симонистская агитація, и представители этого направленія застѣдали въ комитетѣ рабочихъ. Послѣдователямъ Сень-Симона принадлежитъ также первая попытка вызвать къ жизни рабочія ассоціаціи.

доставленная въ свободное распоряженіе фантазіи, направляемой тенденціей, волей, пожалуй, сужена, ея границы болѣе рѣзко очерчены, но вполне исчезнуть мы ея и здѣсь не видимъ. Энгельсъ, характеризуя это различіе въ цитированномъ сочиненіи, говоритъ, что Оуэнъ, Фурье, Сень-Симонъ были существеннымъ образомъ — соотвѣтственно незрѣлости условій, которыя при нихъ существовали — еще *изобрѣтателями* социалистическихъ системъ, мыслителями, стремившимся создать изъ головы болѣе совершенныя системы общественнаго строя, долженствовавшія путемъ пропаганды и эксперимента быть навязаны обществу извнѣ; по марксистскому же ученію средства для общественнаго переворота должны быть «не *изобрѣтаемы* головой, а *открыты* въ существующихъ матеріальныхъ условіяхъ производства». Я нахожу все это вполне вѣрнымъ, поскольку обозначается тотъ путь развитія, который ведетъ отъ трехъ названныхъ социалистовъ и продолжателей ихъ теоретическаго дѣла къ Марксу и Энгельсу. На этомъ пути развитія перевѣсъ дѣйствительно все больше клонится въ сторону открытія нежели въ сторону изобрѣтенія. Тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ сказанное по моему мнѣнію нѣкоторое преувеличеніе какъ въ одну такъ и въ другую сторону. Въ сторону Оуэна, Фурье, Сень-Симона оно создаетъ невѣрное представленіе объ отношеніи у нихъ между открытіемъ и изобрѣтеніемъ, между тѣмъ какъ и они придавали больше значенія первому. Для современнаго же социализма оно прокламируетъ свободу отъ изобрѣтеній, которая у него въ дѣйствительности на мой взглядъ не существуетъ да и существовать не можетъ. Основанный Марксомъ и Энгельсомъ социализмъ отличается отъ системъ Оуэна, Сень-Симона, Фурье *иной оцѣнкой силъ и средствъ*, пригодныхъ для водворенія социалистическаго общества, и врядъ ли приходится еще говорить о томъ, почему онъ въ этомъ отношеніи представляетъ собою чрезвычайно важный въ сравненіи съ ними шагъ впередъ. Но какъ теорія, онъ вовсе не исключительно наука о познаніи такихъ силъ; наравнѣ съ познаніемъ встрѣчается у него еще и нѣкоторыя изобрѣтенія, если не самихъ средствъ, то, по крайней мѣрѣ, *формъ и методовъ* ихъ примѣненія. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробное доказательство сейчасъ сказаннаго; я могу только выразить какъ свое убѣжденіе, что въ этомъ отношеніи различіе между Марксомъ и названными его предшественниками больше въ *степеняхъ*, чѣмъ въ полной противоположности воззрѣній *).

*) Можно, пожалуй, сказать объ Оуэнѣ, Фурье и, если не о Сень-

Возвратимся, однако, къ прерванной нами мысли.

Я сказалъ, что социализмъ, какъ боевое движеніе, не можетъ оставаться свободнымъ отъ всякой тенденціи по отношенію къ наукѣ. Это лежитъ въ самой его природѣ, ибо его главная цѣль не въ томъ, чтобы осуществлять постулаты науки. Но понимая всю цѣну научнаго познания факторовъ и законовъ развитія, онъ старается при выборѣ своихъ средствъ и методовъ на немъ основываться, приводитъ въ соотвѣтствіе съ нимъ выставляемая имъ цѣли. Это общепризнанный въ социаль-демократіи принципъ. Вопросъ лишь въ томъ, оставляетъ ли и на сколько оставляетъ характеръ политической боевой партіи за социализмомъ то теоретическое безпристрастіе, которое является непремѣннымъ условіемъ истинной научности. И отвѣтъ на это гласитъ, что степень безпристрастія зависитъ отъ ясности пониманія той границы, которая существуетъ между наукой, какъ объективнаго познания и программами и теоріями политическихъ партій.

Англійскій сановникъ и философъ Бэкоу говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что различіе между государственными интересами и науками состоитъ въ томъ, что въ послѣднихъ доминирующими должны быть измѣненіе и движеніе, между тѣмъ какъ первые нуждаются въ авторитетѣ и уваженіи. Бэконъ, какъ защитникъ абсолютной монархіи, понималъ авторитетъ въ такомъ смыслѣ, съ какимъ мы, конечно, согласиться не можемъ. Точно также мы не будемъ заниматься здѣсь изслѣдованіемъ того, что въ этомъ пунктѣ представляется болѣе всего желательнымъ при томъ или иномъ государственномъ строѣ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Но если принять во вниманіе *фактическое* положеніе вещей, если на мѣсто государственныхъ интересовъ поставить политическія партіи, при теперешнихъ условіяхъ несомнѣнно входящія въ составъ расширеннаго понятія о государствен-

Симонъ лично, то по крайней мѣрѣ о его послѣдователяхъ, что, какъ выше уже замѣчено было по отношенію къ Оуэну, утопистами въ дурномъ смыслѣ этого слова дѣлаетъ ихъ нецѣлесообразность тѣхъ средствъ, которыми они полагали водворить въ жизнь социалистической строй, то несоотвѣтствіе, которое существуетъ у нихъ между названной *целью* съ одной стороны и *средствами* съ другой. Ту же мысль высказываетъ и Энгельсъ въ своемъ Антидюрингѣ; и онъ тутъ же въ ихъ оправданіе весьма вѣрно доказываетъ, что непригодность ихъ средствъ вполнѣ находитъ свое объясненіе въ недостаточной развитости состоянія тогдашняго общества. Но съ чѣмъ я съ нимъ согласиться не могу, это, когда онъ на страницѣ 4-ой Антидюринга заявляетъ, что они считали вполнѣ независимой отъ историческаго развитія случайностью, гдѣ и когда были открыты тѣ истины, которыя они повѣдали міру. Въ этомъ видѣ выраженный ихъ взглядъ на исторію получаетъ совершенно ложное освѣщеніе.

ныхъ интересахъ и выполняющія важныя функціи въ социальномъ организмѣ *), то принципиально Бэконовское противопоставленіе окажется еще и теперь вѣрнымъ. Въ гораздо большей, пожалуй, степени, чѣмъ въ современномъ государствѣ, проявляется авторитетный, если можно такъ выразиться, характеръ въ партіяхъ. Являясь выразительницами извѣстныхъ принциповъ и требованій, онѣ, чтобы имѣть возможность съ достаточной энергіей проводить ихъ въ жизнь, принуждены требовать отъ своихъ приверженцевъ, чтобы они въ нужный моментъ безпрекословно за ними слѣдовали. Это я вполне признаю, если и считаю утрировкой употребленіе въ этой связи такихъ выраженій, какъ непоколебимость ислама или, какъ это себѣ позволилъ лѣтъ тридцать тому назадъ одинъ социалистическій органъ, требованіе признанія за проповѣдуемымъ партіей ученіемъ такой же *непогрѣшимости*, какая со стороны католической церкви признана за папой. Подобные взгляды врядъ ли еще теперь мыслимы. Не о стѣсненіи чьей либо свободы совѣсти или вѣрованіи рѣчь; суть только въ признаніи рѣшеній партіи обязательными для ея членовъ въ ихъ политическомъ поведеніи и въ защитѣ ими признанныхъ ею основными требованій и принциповъ—два условія, безъ которыхъ не мыслима продолжительная здоровая партійная жизнь **). Въ этомъ смыслѣ право на извѣстную долю интолерантности придется признать за всякой партіей. Но именно потому, что я стою за это право, я считаю необходимымъ строгое отграниченіе области науки отъ партіи. А это раньше всего требуетъ, чтобы мы сталкивались о томъ, что необходимо понимать подъ выраженіемъ наука. Наука въ строгомъ смыслѣ этого слова есть ничто иное, какъ систематизированное знаніе. Знаніе же—это познаніе истиннаго свойства и отношенія вещей другъ къ другу, а такъ какъ, смотря по состоянію познанія, всегда имѣется только *одна* истина, то въ каждой области знанія возможна также только од-

*) Бэконъ самъ употребляетъ выраженіе *civil affairs*, обнимающее и государство и общество. Какъ извѣстно, въ его время еще вообще не существовало отличительной отъ государственной общественной науки.

**) Само собою разумѣется, что эта норма на практикѣ можетъ получить различныя толкованія. Но партія, не желающая спуститься на степень секты или—такъ какъ партіи, собственно, часто начинаютъ, какъ секты—не желающая продолжать оставаться на точкѣ зрѣнія таковой, не даетъ понятію основное слишкомъ узкаго толкованія. Партія не намѣренная быть въ большинствѣ пунктовъ лишь огломератомъ различно мыслящихъ элементовъ, не превратитъ это понятіе въ простую формальность. *Est modus in rebus*—говоря о политическихъ партіяхъ, я предполагаю знакомство съ ихъ сущностью и ихъ нормальными жизненными условіями.

на наука. Относительно такъ называемыхъ точныхъ наукъ это всѣми признано. Никому теперь въ голову не придетъ говорить о либеральной физикѣ, о социалистической математикѣ, о консервативной химіи и т. п. Но развѣ съ наукой, имѣющей своимъ предметомъ исторію человѣчества и человѣческихъ учреждений, иначе обстоитъ? Я этого признать не могу и считаю либеральную, консервативную или социалистическую социологію безсмыслицей. Гдѣ подобные взгляды встрѣчаются, тамъ мы при болѣе близкомъ ихъ разсмотрѣніи всегда найдемъ, что суть въ игнорированіи или недооцѣнкѣ различія между научно формулированными теоріями или доктринами и самой наукой, что теоріи или доктринѣ потому присваивается названіе наука, что ихъ построеніе формально соотвѣтствуетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ научнымъ выводамъ. Но научная форма еще не дѣлаеть научной системы наукой, разъ ея предпосылки и цѣли содержатъ въ себѣ моменты, лежащіе внѣ свободнаго отъ всякой тенденціи познанія. А между тѣмъ именно это, т. е. не свобода отъ тенденціи, встрѣчается въ социально-политическихъ теоріяхъ почти всегда, а въ социально-политическихъ доктринахъ постоянно *).

Социально-политическія доктрины отличаются отъ соотвѣтственныхъ имъ наукъ между прочимъ тѣмъ, что онѣ какъ разъ тамъ оказываются законченными, гдѣ послѣднія продолжаютъ оставаться открытыми. Онѣ находятся подъ диктатомъ опредѣленныхъ цѣлей, для которыхъ суть не въ *познаніи*, а въ *хотѣніи* и которыя придаютъ имъ, если и оставляютъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ мѣсто для новыхъ познаній, характеръ *вполнѣ готоваго и твердо установленнаго*. Напротивъ, научная социологія никогда не бываетъ закончена, потому что ея объектъ, общество, представляетъ собою живой организмъ, а также потому, что она по отношенію къ имѣющимъ мѣсто въ этомъ организмѣ законамъ не знаетъ никакихъ въ послѣдней инстанціи окончательныхъ истинъ. Само собою разумѣется, что и наука имѣеть свои твердыя приобрѣтенія. Выраженіе о постоянномъ измѣненіи не слѣдуетъ понимать въ такомъ смыслѣ, будто наука не требуетъ

*) Съ консервативно-политической точки зрѣнія построенная социальная доктрина можетъ, напр., представлять собою стройно продуманную, строго логически проведенную научную систему, тѣмъ не менѣе социальной наукой она отъ этого все таки не дѣлается, а относится къ ней лишь, какъ, скажемъ, вегетеріанская поваренная книга къ физиологіи вкуса и питанія. Этимъ, конечно, я не хочу отрицать ни полезности такой доктрины, ни же такой поваренныхъ книгъ.

строгаго принятія во вниманіе всего твердо установавленнаго опытомъ и познаніемъ и допускають всякій произволь въ выводахъ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи онѣ, задача которыхъ раскрыть закономѣрно необходимое, чрезвычайно строги*). Но по отношенію къ послѣднимъ причинамъ изслѣдованныхъ явленій и конечнымъ результатамъ констатированныхъ развитій онѣ агностичны. Онѣ противъ всякаго окончательнаго завершенія ихъ научнаго зданія и держатъ его, напротивъ, открытымъ для постоянныхъ расширеній и улучшеній путемъ новыхъ фактовъ. Для нихъ не существуетъ никакой иной руководящей цѣли, кромѣ познанія**).

Въ этомъ смыслѣ Прудонъ, который несомнѣнно воодушевленъ былъ желаніемъ дать социализму научный фундаментъ, писалъ въ свое время Марксу, между прочимъ, въ томъ самомъ письмѣ, въ которомъ онъ сообщалъ ему о своемъ сочиненіи, впоследствии подвергнувшемся со стороны Маркса въ его знаменитомъ произведеніи: «Нищета философіи» такой рѣзкой критикѣ—слѣдующее: «Будемъ изслѣдовать (я цитирую здѣсь болѣе подробно, чѣмъ въ собраніи) совместно законы общественной жизни, тотъ путь, какимъ эти законы проявляются, тѣ методы, которые приводятъ насъ къ ихъ открытію; но, ради Бога, будемъ остерегаться послѣ того, какъ мы разрушили всѣ апіористическія догматическія построенія, опять съ своей стороны проповѣдывать народу доктринерство. Никакой вопросъ не долженъ считаться нами когда либо исчерпаннымъ, и если мы истратили до послѣдняго всѣ наши аргументы, то давайте, если это необходимо, употребляя то краснорѣчіе, то иронію, снова начать съ начала»***):

Никакой вопросъ не долженъ считаться нами когда либо исчерпаннымъ—вотъ подходящее мотто для социализма, поскольку онъ можетъ и хочетъ быть научнымъ. Что онъ не есть и не можетъ быть исключительно наукой, чисто наукой—это, я думаю, мнѣ удалось доказать. Уже само внѣшнее

*) Сравни прибавленіе IV.

**) На сдѣланное мнѣ въ собраніи однимъ оппонентомъ возраженіе, которое мнѣ пришлось встрѣтить и въ другомъ мѣстѣ, будто это не соответствуетъ дѣйствительности, такъ какъ напр. медицина, которая несомнѣнно представляетъ собою науку, имѣетъ своей цѣлью леченіе, я отвѣтилъ и тоже самое повторяю и теперь, что леченіе есть задача медицинскаго искусства, которое во всякомъ случаѣ предполагаетъ основательное знаніе медицинскій науки. Но послѣдняя сама по себѣ имѣетъ своей задачей не леченіе, а познаніе условий и средствъ леченія. Если мы возьмемъ это различіе понятій за образецъ, то намъ не трудно будетъ и въ болѣе сложныхъ случаяхъ опредѣлить, гдѣ кончается наука и гдѣ начинается искусство или доктрина.

***) Письмо отъ 17 мая 1846 года.

выраженіе этого понятія указываетъ на это: никакой, «измъ» не можетъ быть наукой. «Измомъ» мы обозначаемъ міросозерцаніе, тенденцію, систему мыслей или требованіе, но не науку. Основа всякой дѣйствительной науки—это опытъ, свое зданіе она строитъ на накопленномъ знаніи. Соціализмъ же является ученіемъ объ общественномъ строѣ *будущаго* и именно поэтому-то наиболѣе въ немъ характерное не поддается строго научному установленію.

Тѣмъ не менѣе существуетъ все-таки интимная связь между соціализмомъ, какимъ онъ исповѣдуется соціаль-демократіей и наукой. Соціализмъ черпаетъ все въ большей мѣрѣ свои аргументы изъ ея арсенала. Изъ всѣхъ общественныхъ партій онъ болѣе всего ей близокъ, ибо какъ движеніе въ своемъ развитіи восходящаго класса, онъ въ критикѣ существующаго свободнѣе всякой другой партіи или движенія, а свобода критики есть одна изъ основныхъ условій научнаго познанія. Общество есть живой, все болѣе развивающійся организмъ; и та партія или классъ, которая больше всего можетъ ожидать для себя отъ этого развитія, направленіе котораго имѣется предъ нами, естественно также болѣе всѣхъ другихъ заинтересовано и въ дальнѣйшемъ развитіи познанія.

Этотъ интересъ ужъ потому существуетъ для соціаль-демократіи, что познаніе общественныхъ взаимоотношеній даетъ ей возможность найти тѣ средства, которыя въ состояніи ускорить общественное развитіе, какъ и устранить то, что могло бы задержать или замедлить его. Соціализмъ хотя и есть, какъ уже раньше было замѣчено, всегда до извѣстной степени дѣло *воли*, но онъ *не есть дѣло произвола*. Чтобы достигнуть желанной цѣли, онъ нуждается въ руководителѣ, въ наукѣ о силахъ и ихъ взаимодействіи въ общественномъ организмѣ, въ наукѣ, изслѣдующей общественную жизнь въ ея причинахъ и слѣдствіяхъ.

Названіе «научный соціализмъ» приводитъ, однако, къ ошибочному представленію, будто соціализмъ, какъ теорія, хочеть или долженъ быть чистой наукой. Такое представленіе не только ошибочное, но представляетъ для соціализма не мало опасности: оно въ состояніи лишить его какъ разъ то, что является однимъ изъ первыхъ условій научнаго критерія—*научнаго безпристрастія*. Каждое положеніе въ данномъ ученіи соціализма будетъ тогда въ той формѣ, какую оно разѣ получило, приниматься за неизмѣнное звено въ цѣпи соціалистическихъ доказательствъ; а при той связи, какую именно соціализмъ старается конструировать между теоріей и практикой, это можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отозвать-

ся дурно и на практику *). Поэтому, я названію научный социализмъ предпочелъ бы такое, которое одновременно съ достаточной ясностью выразило бы ту мысль, что социализмъ зиждется на основахъ научнаго познания, признавая его направляющимъ элементомъ, но при этомъ исключало бы всякое представленіе о томъ, будто онъ имѣетъ притязаніе считаться непременно наукой и, какъ таковая, быть къ какому либо времени законченнымъ. Этому двойному требованію соответствуетъ, на мой взглядъ, лучше всего названіе критическій социализмъ, употребляя слово критика въ смыслѣ научнаго критицизма Канта.

Высказываясь такимъ образомъ, я считаю нужнымъ тутъ же прибавить, что я вовсе не единственный социалистъ, который находитъ это названіе болѣе подходящимъ, и я не считаю себя первымъ его формулировавшимъ. Оно, напротивъ, исходитъ отъ человѣка, который тоже принадлежитъ къ марксистской школѣ, но взгляды котораго въ нѣкоторыхъ пунктахъ разнятся отъ моихъ. Я имѣю въ виду профессора Антоніо Лабріола въ Римѣ. Уже въ 1896 году Лабріола въ одномъ произведеніи своемъ, посвященномъ памяти Коммунистическаго Манифеста, заявляетъ, что не названіе научный, которое употребляется часто совершенно необдуманно, а наименованіе критическій есть самое подходящее для марксистскаго коммунизма **).

Это не прихоть, не мелочность, которая заставляетъ меня высказываться противъ наименованія социализма научнымъ, а, напротивъ, именно стремленіе обезпечить за социалистической теоріей возможно болѣе высокую степень научности. Суть дѣла въ томъ, чтобы устранить неправильное толкованіе отношенія между наукой и социализмомъ. За то сохраняетъ имя научный социализмъ въ томъ случаѣ для меня полное свое значеніе, когда понятіе научный употребляется въ немъ въ смыслѣ критическомъ, какъ *постулатъ и программа*, какъ требованіе, которое социализмъ предъявляетъ къ самому себѣ и которое говоритъ, что для его стремленій и желаній научный методъ и научное познаніе имѣютъ руководящую и направляющую силу.

*) Сравни прибавленіе V.

***) *Критическій коммунизмъ*—вотъ его настоящее имя, болѣе подходящаго для этого ученія не существуетъ". In memoria del Manifesto dei Communisti. Soggi intorno alla concezione materialistica della storia. I. Римъ 1896. Лабріола, какъ это показываютъ его философскія произведенія, скорѣе гегеліанецъ, чѣмъ кантіанецъ.

Наука не можетъ быть тенденціозной. Какъ познаніе фактическаго, она не принадлежитъ никакому классу или партіи. Соціализмъ, напротивъ, тенденція, и какъ доктрина борющейся за нѣчто новое партіи, онъ не можетъ исключительно связывать себя съ тѣмъ, что является уже твердо установленнымъ. Но въ виду того, что цѣль его стремленій находится на линіи общественнаго развитія, какой научное изслѣдованіе дѣйствующихъ въ современномъ обществѣ силъ намъ ее представляетъ, то соціалистическое ученіе, конечно, скорѣе всякаго другого въ состояніи удовлетворить требованія научности, можетъ партія соціализма—соціаль-демократія—болѣе всякой другой партіи привести свои цѣли и требованія въ соотвѣтствіе съ ученіями и требованіями тѣхъ областей знанія, на которыхъ она опирается.

Сказанное мною я могу резюмировать въ слѣдующихъ словахъ: научный соціализмъ *возможенъ* постольку, поскольку *необходимъ*, т. е. поскольку это допускаетъ разумное требованіе отъ ученія такого движенія, стремленіе котораго создать нѣчто радикально новое.

Прибавленіе I.

Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ указаннаго произведенія Граціаденса;

«Но тогда не трудно будетъ при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи понять, что если теорія прибавочнаго труда имѣетъ подъ собою твердую почву, прибавочная цѣнность все таки остается. Разъ причина прибыли, прибавочный трудъ, остается, то остается также и ея результаты—продукты, изъ которыхъ прибыль именно и состоитъ. Во власти теоріи цѣнности классическаго соціализма не лежитъ устранить фактъ, существующій независимо отъ нея...»

«Коротко говоря, мы видимъ, что явленія, заниматься съ которыми намъ приходится, выступаютъ одно за другимъ въ слѣдующемъ логическомъ порядкѣ: раньше всего слѣдуетъ трудъ, часть котораго, признавая критику Маркса, становится прибавочнымъ трудомъ; затѣмъ являются продукты, изъ которыхъ часть, представляющая собою слѣдствіе прибавочнаго труда, образуетъ прибыль, наконецъ, продукты превращаются въ прибыль, а та часть ихъ, которая получила безъ всякихъ затратъ, въ прибавочную цѣнность. Цѣнность, слѣдовательно, есть изъ всѣхъ трехъ явленій самое поверхностное, наименѣе самостоятельное. Являясь въ извѣстный

историческій моментъ соціальной особенностью продуктовъ, она эти продукты уже заранѣе предполагаетъ. Думать, что проблема происхожденія прибыли, т. е. происхожденія продуктовъ, составляющихъ прибыль, совпадаетъ съ проблемой о цѣнности, было бы все равно, какъ если бы желать въ химіи объяснить образование простыхъ тѣлъ изъ дериватовъ, составляющихъ ихъ продуктъ...» *)

«Въ виду этихъ весьма удачныхъ нападковъ (со стороны антисоціалистическихъ экономистовъ противъ трудовой теоріи цѣнности) большинство марксистовъ проявило поистинѣ невѣроятную, впрочемъ, всѣмъ адептамъ великихъ учителей весьма свойственную, близорукость. вмѣсто того, чтобы признать, что въ аргументахъ ихъ противниковъ есть вѣрнаго, а именно, опроверженіе ихъ теоріи цѣнности, но въ то же время доказывать, что основныя истины ихъ доктрины, именно потому, что онѣ основныя, находятся внѣ всякой зависимости отъ той или иной теоріи, они упорно настаиваютъ на схоластическое *aut sint ut sint, aut non sint*. И тѣмъ, что они съ особымъ рвеніемъ защищали также и ошибочную часть своей доктрины, они только усилили мнимое значеніе теоріи цѣнности, служившей какъ разъ главной мишенью для нападковъ противниковъ» **).

Здѣсь не мѣсто подробнѣе останавливаться на самой теоріи Граціаденса. Что въ томъ пунктѣ, о которомъ здѣсь рѣчь—относительно безразличія теоріи цѣнности для доказательства прибавочнаго труда—я стою на той же точкѣ зрѣнія, что и Граціаденсъ, тому можетъ послужить доказательствомъ слѣдующее мѣсто изъ моего сочиненія: «Die Voraussetzungen des Sozialismus», появившагося одновременно съ произведеніемъ Граціаденса.

«Прибавочный трудъ продуктивно дѣятельной части націи есть *эмпирической*, самой *дѣйствительностью* могущій быть доказанный фактъ, не нуждающійся ни въ какомъ дедуктивномъ доказательствѣ. Вѣрна ли теорія цѣнности Маркса или нѣтъ—это для доказательства прибавочнаго труда абсолютно безразлично. Въ этомъ отношеніи она не доказательный тезисъ, а только средство анализа и нагляднаго поясненія» ***).

Съ чрезвычайно рѣзкой критикой всего теперешняго ученія о политической экономіи, цѣнности названнаго имъ

*) La Produzione Capitalistica, стр. 6 и 7.

***) Тамъ же стр. 245.

***) Voraussetzungen des Sozialismus, стр. 42.

«такъ называемымъ ученіемъ о цѣнности», выступилъ въ 1897 году д-ръ Фридрихъ Готтль въ его сочиненіи: «Der Werthgedanke». Немного расплывчатое, но довольно забавно написанное доказательство того, что цѣнность какъ сингулярный объектъ представляетъ собою метафизически апіористическое представленіе и скрываетъ въ себѣ догму, которая ждетъ лишь своего критическаго разсмотрѣнія. Это чрезвычайное глубокое произведеніе мѣстами читается, какъ сатира. Авторъ, очевидно, обладаетъ большимъ юморомъ.

Между прочимъ, подобно тому, какъ съ ученіемъ о цѣнности, дѣло обстоитъ и со всѣми остальными гипотезами или доктринами. Эти положенія, имѣющія своимъ основаніемъ реальные факты, но получившія не точную или не соответствующую формулировку. Само собою разумѣется, что съ констатированіемъ этого послѣдняго обстоятельства, падаютъ поэтому только формулы или ихъ толкованіе, *но не сами факты.*

Я коснулся этого въ соответствующемъ мѣстѣ на самомъ собраніи и потому счелъ нужнымъ тоже самое здѣсь вновь повторить.

Прибавленіе II.

Выраженіе кооперативность понято было нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ на рефератѣ въ томъ смыслѣ, будто оно относится къ *формѣ* осуществленія социализма, между тѣмъ, какъ оно въ дѣйствительности—и я надѣюсь, что читатели моей статьи въ этомъ сами легко убѣдятся—должно было здѣсь только охарактеризовать тотъ правовой принципъ, осуществить котораго задача социализма—*демократію*. Socius — это равноправный соучастникъ.

Я это особенно подчеркнул въ дебатахъ, отвѣчая тамъ на замѣчаніе проф. Вагнера; причемъ прибавилъ, что по отношенію къ вопросу объ организаціи общества, я ни въ какомъ случаѣ не принадлежу къ приверженцамъ идеи распадѣнія общества на рядъ свободныхъ коопераций. Такъ называемыя принудительныя кооперации—государство и община—сохраняютъ, по моему мнѣнію, также и въ далекомъ будущемъ свои великія задачи. Какой модусъ будетъ примѣняться при распредѣленіи общественныхъ задачъ между ними и свободными кооперациями, это въ каждый данный моментъ будетъ зависѣть отъ степени развитія и отъ понятой цѣлесообразности, какъ и отъ того, сколько изъ хозяйственной работы

будетъ предоставлено въ свободное индивидуальное распоряженіе.

Я считаю это нужнымъ здѣсь констатировать потому, что по появившейся о моемъ рефератѣ статьѣ въ «Welt am Montag» отъ 20-го мая можно полагать, будто я стою главнымъ образомъ за свободныя коопераціи, государствъ же и общинъ я только такъ, между прочимъ, удѣляю пару социаль-ныхъ функцій. На указанную статью вообще нельзя смотрѣть, какъ на передачу содержанія моего реферата, а только какъ на чрезвычайно одностороннее резюме его, прошипигованное собственными размышленіями мнѣ лично совершенно незнакомаго редактора названной газеты.

Прибавленіе III.

Фурьеровская табела о ходѣ развитія человѣческаго общества свидѣтельствуетъ о глубокомъ пониманіи условій историческаго развитія. Его наименованіе того общественнаго состоянія, которое должно послѣдовать за «цивилизацией», какъ по его номенклатурѣ называется достигнутая въ передовыхъ странахъ фаза развитія,—*періодомъ гарантисма*—получило удивительнымъ образомъ самимъ конкретнымъ ходомъ развитія свое оправданіе. Всѣ современныя социальныя реформы, какъ частныя, такъ и общественныя, представляютъ собою ничто иное, какъ систему ручательства—страхованій на случай всевозможныхъ непредвидѣнностей, способныхъ нанести ущербъ нашей личности. И когда Фурье называетъ первобытное райское состояніе человѣчества, въ которое въ его время многіе еще сильно вѣровали, «тѣнью счастья», то онъ этимъ проявляетъ себя, какъ чрезвычайно реалистическій психологъ. Точно также оказывается его часто неимоვნно фантастическое изображеніе дальнѣйшихъ стадій развитія при болѣе близкомъ разсмотрѣніи послѣдствіемъ научнаго и философскаго міропониманія, чрезвычайно близко соприкасающагося съ современнымъ ученіемъ о развитіи.

Оуэнъ, очень много занимавшійся механическими естественными науками, преувеличилъ въ смыслѣ послѣднихъ свое ученіе о зависимости человѣческаго характера отъ окружающей его среды. Онъ рассказываетъ о себѣ, что еще молодымъ человѣкомъ, познакомившись съ тогда тоже еще молодымъ Джономъ Дольтономъ, пріобрѣвшимъ впослѣдствіи, какъ основатель атомистической теоріи въ химіи, всемірную извѣстность, и вмѣстѣ съ нимъ и еще нѣкоторыми другими друзь-

ями устраивая регулярныя собранія, на которыхъ обсуждались различныя философскія и научныя проблемы и гдѣ Дольтонъ уже излагалъ основныя идеи своей атомистической теоріи, онъ былъ прозванъ за развиваемые имъ на этихъ собраніяхъ взгляды *мыслящей машиной*. Онъ находилъ, что люди ничто иное, какъ машины, развившіеся благодаря природѣ и обществу въ мыслящія машины. Немного спустя онъ въ литературномъ и философскомъ обществѣ Манчестера защищаетъ ту мысль, что міръ—это громадная лабораторія, а люди простыя химическія соединенія сложнаго свойства, отчего онъ и награжденъ былъ титуломъ философа, желающаго создать людей химическимъ путемъ.

Это радикально-атомистическая точка зрѣнія играетъ не малую роль и въ ученіи Оуэна объ обществѣ. Его неоднократное заявленіе, что человѣку возможно путемъ соотвѣтственныхъ средствъ привить «какой угодно характеръ», объяснимо только тѣмъ, что онъ игнорировалъ органическій принципъ или не придавалъ ему должнаго значенія. Въ этомъ отношеніи Фурье, хотя тоже исходилъ изъ физическаго принципа,—изъ Ньютоновскаго ученія о гравитаціи—можетъ считаться болѣе глубокимъ, чѣмъ Оуэнъ. Онъ больше обращалъ вниманіе на *развитіе*, чѣмъ на *созиданіе*. Его цѣль не измѣнять самихъ людей, а путемъ соотвѣтственныхъ организацій дать возможность ихъ склонностямъ и страстямъ гармонически развиваться и привести ихъ къ гармонической дѣятельности. Онъ главнымъ образомъ настроенъ эстетически, Оуэнъ же чисто утилитаристически.

Прибавленіе IV.

Тотъ фактъ, что научность исключаетъ всякій произволъ въ выводахъ и что задача всякой науки найти закономѣрно необходимое въ явленіяхъ подлежащей ея изслѣдованію области, приводитъ насъ къ заключенію, что понятіе научный социализмъ предполагаетъ или требуетъ строго научнаго доказательства закономѣрной необходимости социализма. Такъ именно вопросъ этотъ неоднократно ставился. Соціалисты утверждали, что имманентная необходимость социализма была доказана научнымъ социализмомъ; кто это отрицаетъ, выбрасываетъ такъ сказать этимъ самымъ за бортъ и научный социализмъ.

Изъ сказаннаго мною въ самомъ текстѣ можно увидѣть, что я во всякомъ случаѣ считаю это положеніе не доказаннымъ и что я нахожу его доказательство ни возмож-

нымъ и ни необходимымъ. Но такъ какъ я въ рефератѣ ограничился только опредѣленіемъ самаго понятія, которое, какъ вообще всякое опредѣленіе понятія, весьма легко можетъ быть превратно истолковано, то я счелъ нужнымъ здѣсь добавить еще слѣдующее.

Прежде всего не нужно забывать, что весь этотъ вопросъ вертится вокругъ *установленія точныхъ границъ*. Уже самъ социализмъ есть многозначащее понятіе и то же самое приходится сказать о понятіи *имманентная необходимость*. Нѣкоторые утверждаютъ, что социализмъ можетъ или долженъ быть доказанъ какъ имманентная *экономическая* необходимость. Можно, однако, легко доказать, что такое желаніе или начинаніе не выполнимо именно съ научной точки зрѣнія, такъ какъ, что выходить за предѣлы области экономіи, того послѣдняя доказать не въ состояніи; социализмъ же никогда не растворяется безъ остатка въ экономіи. Если же мы, вслѣдствіе сейчасъ сказаннаго, будемъ толковать понятіе имманентная необходимость въ смыслѣ *соціальной* или *общеесторической* необходимости, то сдѣлаемъ этимъ самимъ научное доказательство тѣмъ болѣе невозможнымъ, такъ какъ долженствующіе тогда быть принятыми во вниманіе субъективные факторы не допускаютъ никакого объективнаго доказательства. Люди не автоматы. Въ томъ и въ другомъ случаѣ доказательство имманентной необходимости социализма невозможно безъ помощи трансцендентныхъ дедукцій и, слѣдовательно, стремленіе къ непремѣнному доказательству полной его научности является именно съ точки зрѣнія науки лишеннымъ всякаго основанія или даже недопустимымъ.

Указывали, что если сказанное вѣрно, то въ социалистическомъ ученіи ничего или ничего больше не имѣется такого, что дѣлало бы такъ сказать обязательнымъ вступленіе въ ряды социалистической партіи. Но это есть само опять лишь вполнѣ трансцендентальное представленіе о вещахъ. Во-первыхъ, не заставляетъ никого изъ насъ даже то сознаніе, что мы когда нибудь всѣ умереть должны, лечь на одръ смерти раньше, чѣмъ нашъ часъ пробилъ. Во-вторыхъ, отрицается только возможность вполнѣ научнаго *доказательства* имманентной необходимости социализма, но не возможность или вѣроятность самаго факта, какъ такового. Напротивъ, доступные научному изслѣдованію факторы общественнаго развитія указываютъ въ ихъ цѣломъ вполнѣ ясно на постоянное, съ все большей энергіей усиливающееся развитіе современнаго общества въ сторону социализма. Вопросъ, слѣдо-

вательно, сводится въ сущности къ тому, можно ли полагать и если да, то поскольку, что волевой актъ, покоющійся на признаніи за социалистическими учрежденіями большей справедливости и цѣлесообразности, играетъ самъ творческую роль или нѣтъ. Но нравственная обязанность къ вступленію въ ряды социалистической партіи не можетъ отъ того стать слабѣе, что то, что съ точки зрѣнія цѣли признано для социальнаго прогресса необходимымъ, обладаетъ, какъ часть исторической имманентной необходимости, лишь большей или меньшей долей вѣроятности. Напротивъ, для насъ необходимость лишь усиливается благодаря сознанию, что осуществленіе найденнаго нами справедливымъ и цѣлесообразнымъ зависить главнымъ образомъ отъ нашей *воли* и нашихъ дѣйствій, а не исключительно отъ диктуемой исторіей необходимости.

На практикѣ въ сущности никогда и не бываетъ, чтобы основывались только на абстрактномъ доказательствѣ имманентной необходимости социализма — конкретно возможны только доказательства необходимости опредѣленныхъ социалистическихъ мѣропріятій,—а на доказательствѣ желательности и возможности социалистическаго строя. До сихъ поръ социалистическая агитація велась именно послѣднимъ путемъ; изъ него-то она черпала свою мощь и непосредственно совершенно не затрагивается вопросомъ относительно опредѣленія понятія *).

Прибавленіе V.

Доказательства тому, что ошибочныя теоретическія положенія дѣйствуютъ вреднымъ образомъ на практику социальдемократіи, существуютъ въ исторіи социалистическихъ партій всѣхъ странъ. Относительно прежнихъ социалистическихъ теорій это теперь всѣми признано; но и исторія современнаго социализма отъ этого не свободна. Такъ напр., упрекаль въ свое время Фридрихъ Энгельсъ сѣверно-американскихъ и англійскихъ социалистовъ въ томъ, что они сдѣлали изъ социализма сектантскую догму; и еще всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ—въ 1897 году—обвинялъ Карлъ Каутскій англійскаго марксиста Бэкста въ «утопическомъ марксизмѣ».

Я довольствуюсь только этимъ общимъ указаніемъ. Какъ я уже въ своемъ рефератѣ, имѣя въ виду публику, предъ которой онъ читался, умышленно лишь кратко касался тѣхъ

*) Сравни также прилож. V.

спорныхъ вопросовъ, которые еще и теперь играютъ большую или меньшую роль въ социаль-демократіи, не вдаваясь при этомъ ни въ какую полемику, такъ я и здѣсь ограничусь лишь чисто принципиальнымъ.

Рѣчь идетъ объ избѣжаніи двухъ крайностей: безпринципнаго, грубаго экспериментированія и сектантскаго доктринерства. Безошибочнаго средства противъ погрѣшеній въ практикѣ не дается никакой теоріей; рѣчь можетъ быть только объ устраненіи тѣхъ погрѣшностей, которыя являются результатомъ недостатка теоретическаго познанія или фальшивыхъ теорій. И это элиминированіе достигается по возможности тѣмъ, что теорія объявляется предметомъ живой, безпрестанно развивающейся науки. Согласно съ этимъ социалистическія программы никогда не должны быть въ своей теоретической части, которая вѣдь должна являться выраженіемъ научнаго познанія, слишкомъ детализированы. Такъ какъ не каждый годъ пишутся новыя программы, между тѣмъ какъ фактическое движеніе никогда не останавливается, а вмѣстѣ съ нимъ растетъ и познаніе, то опасность внутренняго противорѣчія между программой и практикой, съ одной стороны, и программой и тѣмъ, что стало достояніемъ нашего познанія, съ другой, всегда существуетъ. Первое ведетъ къ всякаго рода вреднымъ треніямъ, послѣднее къ безпринципному скептицизму. Такимъ образомъ разбираемый здѣсь вопросъ хотя и является прежде всего только вопросомъ объ опредѣленіи понятія, посредственно же представляетъ собою и такой, который имѣетъ практическое значеніе. Совершенно ошибочно думать вмѣстѣ съ «Welt am Montag», что если ограничить въ указанномъ здѣсь смыслѣ понятіе научнаго социализма, то этимъ самимъ лишаютъ рабочихъ вѣры въ научность социализма. Напротивъ, этимъ ограниченіемъ понятія—можно было бы также употребить здѣсь излюбленное выраженіе *reinliche Scheidung*—дается какъ разъ тѣмъ, кто эту вѣру потерялъ, кто потерялъ возможность опять найти ее и поставить на болѣе прочномъ основаніи, чѣмъ она когда либо у нихъ имѣлась.

Эд. Бернштейнъ.



Отвѣтъ Т. Плеханова.

Въ рефератѣ, прочитанномъ 17-го мая 1901 г. въ «Берлинскомъ студенческомъ союзѣ для изученія общественной науки» (Sozialwissenschaftlicher studentenverein zu Berlin), г. Бернштейнъ поставилъ передъ собою тотъ же самый вопросъ, хотя иначе формулированный: «Возможенъ ли научный социализмъ?» (Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich)? Въ результатѣ своего изслѣдованія онъ пришелъ къ отрицательному отвѣту. По его словамъ, никакой «измъ» не можетъ *быть наукой*: «измомъ обозначается міросозерцаніе, тенденція, система мыслей или требованій, а вовсе не наука. Основа всякой истинной науки есть опытъ, она строитъ свое зданіе на накопленномъ знаніи. Социализмъ же есть ученіе о будущемъ общественномъ порядкѣ, и именно поэтому его наиболѣе характерная черта не можетъ быть установлена научно» *).

Такъ ли это? Посмотримъ.

Прежде всего поговоримъ объ отношеніи между «измами» и наукой. Если г. Бернштейнъ правъ, говоря, что никакой «измъ» наукой быть не можетъ, то ясно, что, напримеръ, дарвинизмъ тоже не «наука». Допустимъ это. Но что же такое дарвинизмъ? Если мы захотимъ остаться вѣрны теоріи г. Бернштейна, то мы должны будемъ отнести это ученіе къ числу «системъ мыслей». Но развѣ система мыслей не можетъ быть наукой и развѣ наука не есть система мыслей? Г. Бернштейнъ, очевидно, думаетъ, что—*нѣтъ*. Но онъ такъ думаетъ просто по недоразумѣнію, просто потому, что въ его собственной «системѣ мыслей» царствуетъ изумительный, страшный беспорядокъ.

Что наука строитъ свое зданіе на основѣ опыта, это извѣстно теперь каждому толковому школьнику. Но вопросъ совсѣмъ не въ этомъ. Онъ состоитъ въ томъ, *что же именно строитъ наука на основѣ опыта?* А на это возможенъ только одинъ отвѣтъ: на основѣ опыта наука строитъ извѣстныя *обобщенія* («системы мыслей»), которыя въ свою очередь ложатся въ основу извѣстнаго *предвидѣнія* явленій. Но предвидѣніе относится къ *будущему времени*. Поэтому далеко не всякое соображеніе о будущемъ лишено научной основы. И что это за выводъ: социализмъ есть *міросозерцаніе*, поэтому онъ не наученъ? Г. Бернштейну онъ кажется,

*) Ed. Bernstein, Wie ist wissenschaftlicher Socialismus möglich?—Berlin, 1901, s. 3b.

повидимому, неоспоримымъ. Но для того, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ таковымъ, нужно было бы сначала доказать, что *никакое, ничье міросозерцаніе не можетъ быть научнымъ*. Г. Бернштейнъ не сдѣлалъ и никогда не сдѣлаетъ этого, поэтому мы возражаемъ ему: *Parlez pour vous, cher monsieur!* Далѣе. *Тенденція не есть наука. Но наука можетъ открывать и ежедневно открываетъ тенденціи*, свойственныя изученнымъ ею явленіямъ. А научный социализмъ именно констатируетъ извѣстную тенденцію (тенденцію къ социальной революціи), *существующую въ нынѣшнемъ капиталистическомъ обществѣ*; учениемъ о *будущемъ общественномъ порядкѣ* социализмъ былъ тогда, когда онъ еще не вышелъ изъ *утопической* фазы.

Нужно быть Бернштейномъ, чтобы вообразить, что наука не есть «система мыслей». Это поистинѣ чудовищно. Наука именно и есть знаніе, проведенное въ систему. Бернштейнъ, по своему обыкновенію, путается. Онъ услышалъ о появленіи въ современномъ естествознаніи «тенденціи» совсѣмъ освободить науку отъ *гипотезъ* и рѣшилъ, что наука не имѣетъ ничего общаго ни съ какими «системами мыслей». На самомъ дѣлѣ, не основательна и та научная «тенденція», которая привела г. Бернштейна къ его чудовищному тезису. Геккель совершенно правъ, когда критикуя эту ошибочную «тенденцію» говоритъ: «*Ohne Hypothese ist rkenntnis nicht möglich*» («*Die Lebenswunder*», Stuttgart, 1904, s. V. 97.).

Если справедлива та мысль, что настоящее беременно будущимъ, то научное изученіе настоящаго должно дать намъ возможность предвидѣть нѣкоторыя будущія явленія въ интересующемъ насъ случаѣ: социализацію средствъ производства на основаніи какихъ-нибудь таинственныхъ пророчествъ или какихъ-нибудь произвольныхъ и отвлеченныхъ разсужденій, а именно на основаніи «опыта», на основаніи знаній, накопленныхъ наукой.

Если бы г. Бернштейнъ хотѣлъ серьезно вдуматься въ поставленный имъ себѣ вопросъ о возможности научнаго социализма, то онъ долженъ былъ бы прежде всего рѣшить, справедлива, или несправедлива указанная нами мысль въ примѣненіи къ *общественнымъ явленіямъ*. Самое не продолжительное размышленіе доказало бы ему, что въ этомъ случаѣ она не менѣе справедлива, чѣмъ во всѣхъ прочихъ. Убѣдившись въ этомъ, ему надо было разсмотрѣть, обладаетъ ли современная общественная наука такимъ запасомъ свѣдѣній о нынѣшнихъ общественныхъ отношеніяхъ, пользуясь которыми она была бы въ состояніи предвидѣть предстоящую

замѣну этихъ отношеній иными—капиталистическаго способа производства—соціалистическимъ. Если бы онъ увидѣлъ, что такого запаса нѣтъ и никогда не будетъ, то вопросъ о возможности научнаго соціализма самъ собою рѣшился бы въ *отрицательномъ смыслѣ*. А если бы г. Бернштейнъ убѣдился въ томъ, что такой запасъ или уже существуетъ, или можетъ быть накопленъ современемъ, то онъ неизбѣжно пришелъ бы къ *положительному* рѣшенію названнаго вопроса. Но какъ бы онъ ни рѣшилъ этотъ вопросъ, ему хорошо выяснилось бы тогда то, что,—благодаря ошибочному приему изслѣдованія,—до сихъ поръ остается у него въ туманѣ нескладной и непродуманной «системы мыслей». Онъ увидѣлъ бы, что невозможность существованія научнаго соціализма можетъ быть доказана только въ томъ случаѣ, если станетъ очевидной невозможность научнаго предвидѣнія общественныхъ явленій, т. е. что до рѣшенія вопроса о возможности научнаго соціализма надо предварительно рѣшить вопросъ о *возможности соціальной науки вообще*. А увидѣвъ это, г. Бернштейнъ увидѣлъ бы, можетъ быть, и то, что взятый имъ предметъ представляетъ собою «дистанцію огромнаго размѣра», и что для его выясненія не много сдѣлаетъ тотъ, кто не имѣетъ другихъ средствъ анализа, кромѣ безтолковаго противоположенія науки «*измамъ*», опыта «системамъ мыслей».

Впрочемъ, мы несправедливы къ нашему автору. Имѣющіеся у него средства анализа не ограничиваются такимъ противоположеніемъ. Вотъ, напримѣръ, на стр. 33-34 его реферата мы встрѣчаемъ еще ту мысль, что наука не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ познанія, между тѣмъ какъ «политическая и соціальная доктрины» стремятся разрѣшить извѣстныя практическія задачи. Во время споровъ, которыми сопровождалось чтеніе реферата г. Бернштейна, кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ ему по поводу этой мысли, что медицина задается практической цѣлью *лѣченія*, а между тѣмъ она должна быть признана наукой. На это нашъ референтъ отвѣтилъ, что лѣченіе есть задача медицинскаго *искусства*, которое во всякомъ случаѣ предполагаетъ основательное знаніе медицинскій *науки*; но медицинская наука сама по себѣ стремится не къ лѣченію, а къ изученію средствъ и условій лѣченія. Къ этому г. Бернштейнъ прибавляетъ, что «если мы возьмемъ это различіе понятій за образецъ (als typisches Muster), то мы безъ труда опредѣлимъ въ самыхъ сложныхъ случаяхъ, гдѣ кончается наука и гдѣ начинается искусство или доктрина» *).

*) Ibid. s. 34, примѣчаніе.

Мы беремъ за образецъ рекомендуемое г. Бернштейномъ «различіе понятій» и разсуждаемъ такъ: въ социализмѣ, какъ и въ медіцинѣ, надо различать двѣ стороны: *науку и искусство*. Социализмъ, какъ *наука*, изучаетъ средства и условія социалистической революціи, а социализмъ, какъ «доктрина» или какъ *политическое искусство*, стремится совершить названный переворотъ, опираясь на приобрѣтенное знаніе. И мы прибавляемъ, что если г. Бернштейнъ возьметъ за «типическій образецъ» различіе, сдѣланное нами по его же примѣру, то онъ безъ труда пойметъ, гдѣ именно кончается въ социалистической системѣ наука, и гдѣ начинается доктрина или искусство.

Робертъ Оуэнъ, обращаясь къ «британской публикѣ» въ одномъ изъ воззваній, служащихъ предисловіемъ къ его книгѣ «New views of society or Essays upon the formation of human character» (новый взглядъ на общество или опыты объ образованіи человѣческаго характера), говоритъ:

«Я обращаюсь къ вамъ, друзья и соотечественники, потому что ваши величайшіе и важнѣйшіе интересы тѣсно связаны съ предметами, разсматриваемыми въ предлагаемыхъ опытахъ. Вы найдете въ нихъ описаніе существующихъ золь и предложеніе средствъ ихъ исцѣленія... Благодѣтельные измѣненія требуютъ основательно обдуманнхъ и хорошо составленнхъ плановъ... Однако, большимъ успѣхомъ является уже указаніе причины зла. Ближайшимъ послѣ этого шагомъ должно быть отысканіе лѣкарства... Дѣломъ моей жизни было именно его отысканіе и его практическое испытаніе; и такъ какъ я нашелъ такое лѣкарство, которое, какъ показываетъ опытъ, совершенно надежно въ своемъ примѣненіи и совершенно несомнѣнно по своему дѣйствию, то я имѣю теперь сильное желаніе дать вамъ воспользоваться его благодѣянiami. Но будьте увѣрены въ томъ, что принципы, на которыхъ основывается этотъ «новый взглядъ на общество» вѣрны, что за ними не скрывается никакой ошибки и что къ ихъ обнародованію подвинули меня совершенно чистыя побужденія» и т. д. *).

Эти слова даютъ намъ полную возможность анализировать ходъ мысли великаго англійскаго социалиста съ точки

*) Не имѣя подъ руками англійскаго подлинника, мы цитируемъ по нѣмецкому переводу профессора Освальда Кольмана, вышедшему въ Лейпцигѣ въ 1900 г. подъ заглавіемъ: Eine neue Auffassung der Gesellschaft. Vier Aufsätze über die Bildung des menschlichen Characters, als Einleitung zu der Entwicklung eines Planes, die Zage der Menschens allmählich zu verbessern. Цитированное нами мѣсто находится на ст. 6.

зрѣнія предлагаемаго г. Бернштейномъ «различенія понятій»: ясно, что Р. Оуэнъ началъ съ изученія существующихъ золь и съ обнаруженія ихъ причины. Эта часть его работы соотвѣтствуетъ тому, что въ медицинѣ называется *этиологией*. Затѣмъ онъ перешелъ къ изученію средствъ и условій лѣченія интересовавшей его общественной болѣзни. Найдя лѣкарство, показавшееся ему очень дѣйствительнымъ, онъ сталъ подвергать его практическому испытанію. Это можно назвать его *терапевтикой*. Только послѣ того, какъ его опыты дали вполнѣ удовлетворительные результаты, онъ рѣшился предложить его всей «британской публикѣ», т. е. другими словами, взяться за *медицинскую практику*. Прежде онъ занимался медицинской *наукой*, теперь онъ сталъ практиковать медицинское искусство. Тутъ—полная параллель, и разъ г. Бернштейнъ допускаетъ возможность существованія *науки медицины*, то онъ долженъ,—разумѣется, въ томъ только случаѣ, если онъ хочетъ остаться вѣрнымъ своему собственному «различенію понятій»—признать также и возможность существованія *науки социализма*. Тотъ же самый ходъ изслѣдованія, который мы подмѣтили у Роберта Оуэна на основаніи его собственныхъ словъ, легко можетъ быть подмѣченъ и у современныхъ ему французскихъ социалистовъ. Для примѣра укажемъ хоть на Фурье. Онъ говорилъ, что онъ принесъ людямъ *искусство быть богатыми и счастливыми*. Эта часть его доктрины соотвѣтствуетъ *врачебному искусству*. Но на чемъ основывалъ онъ эту практическую часть своего ученія? На *законахъ нравственнаго притяженія*, которые по его словамъ оставались неизвѣстными людямъ, пока онъ не открылъ ихъ, наконецъ, послѣ долгаго и внимательнаго изслѣдованія. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже не съ искусствомъ, а съ *теоріей*, съ «приведеннымъ въ систему знаніемъ», т. е. съ *наукой*. И Фурье настойчиво повторялъ, что его искусство основывается на его *научныхъ открытіяхъ**). Само собой разумѣется, что г. Бернштейнъ ни мало не обязанъ придавать этимъ открытіямъ такое же большое значеніе, какое они имѣли въ глазахъ самаго Фурье или его школы, но это не измѣняетъ дѣла. Г. Бернштейнъ, конечно, считаетъ себя обязаннымъ вѣрить въ безошибочность всѣхъ медицинскихъ теорій нашего времени, но это не помѣшало ему придти къ убѣжденію въ томъ, что иное дѣло медицинское искусство, а иное дѣло ме-

*) См. напр., Manuscripts de Fourier, Paris, 1851, p. 4,—гдѣ онъ сравниваетъ себя съ Кеплеромъ и Ньютономъ. Ср. также любое изъ тѣхъ изложеній его ученія, которыя были сдѣланы его последователями. Въ каждомъ изъ нихъ практическіе планы общественнаго переустройства опираются на *теоретическія открытія* Фурье.

дицинская наука, и что существованіе медицинскаго искусства не только не исключаетъ существованія медицинскои науки, но наоборотъ, предполагаетъ его, какъ свое необходимое условіе. Почему въ социализмѣ не возможно такое же соотношеніе между искусствомъ и наукой? Почему существованіе социализма, какъ социальнo-политической «доктрины» исключаетъ существованіе социализма, какъ науки?

На эти вопросы г. Бернштейнъ не отвѣчаетъ. Пока онъ не отвѣтитъ на нихъ, предложенное имъ «различеніе понятій» будетъ не подтверждать, а опровергать его мысль о невозможности научнаго социализма. А отвѣтитъ на нихъ онъ не можетъ по той простой причинѣ, что ему на нихъ нечего отвѣтить. Разумѣется, можно и должно было бы усомниться въ теоретической правомѣрности сравненія медицинскаго искусства съ социализмомъ. Но имѣнно въ этомъ-то нашъ авторъ и не усомнился, да и не могъ усомниться, такъ какъ его точка зрѣнія на общественную жизнь ничуть не исключаетъ подобныхъ сравненій.

Итакъ, предложенное г. Бернштейномъ «различеніе понятій» не только не убѣдило насъ въ невозможности научнаго социализма, но, напротивъ, предрасположило насъ къ принятію той мысли, что даже социализмъ Р. Оуэна, Фурье и другихъ *утопистовъ* былъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, *научнымъ социализмомъ*. Вслѣдствіе этого намъ становится неяснымъ то «различеніе понятій», въ силу котораго мы до сихъ полагали, что социалистическая теорія Маркса-Энгельса сдѣлала эпоху въ исторіи социализма. Да и не однимъ намъ неясно это «различеніе». У г. Бернштейна тоже выходитъ, что хотя ученіе Маркса-Энгельса заключаетъ въ себѣ *гораздо больше* научнаго элемента, чѣмъ ученія Фурье, Оуэна и Сенъ-Симона, но и оно подобно имъ, хотя и въ меньшей степени, заключаетъ въ себѣ, рядомъ съ элементами науки, также и элементы утопіи, а потому и различіе между ними имѣетъ скорѣе *количественный* нежели *качественный* характеръ*). Въ рефератѣ г. Бернштейна такое мнѣніе вполне естественно: если *научный* социализмъ вообще невозможенъ, то очевидно, что и *марксизмъ* есть одинъ изъ тѣхъ «измовъ», которымъ свойственна большая или меньшая примѣсь утопіи. Но такъ какъ убѣжденіе г. Бернштейна въ невозможности научнаго социализма основывается на такихъ посылкахъ, которыя, будучи правильно истолкованы, приводятъ къ діаметрально противоположному заключенію, т. е. заставляютъ насъ признать, что *научный социализмъ*, — подобно научной медицинѣ, — *воплнѣ*

*) Объ этомъ см. въ особенности стр. 21, 22, 28, 29, 30.

возможенъ, то мы, не желая окончательно запутаться въ логическихъ противорѣчійхъ г. «критика», покидаемъ сотканную имъ нить разсуждений и, въ свою очередь, спрашиваемъ себя, чѣмъ же, наконецъ, отличается *научный* социализмъ отъ *утопическаго*.

Чтобы отвѣтить на это, надо опредѣлить отличительные признаки обоихъ видовъ социализма.

Въ своей брошюрѣ «Развитіе научнаго социализма» Энгельсъ говоритъ: «Міросозерцаніе утопистовъ долго господствовало надъ социалистическими воззрѣніями XIX вѣка и, отчасти, господствуетъ еще понынѣ... Его держались всѣ англійскіе и, до недавняго времени, всѣ французскіе социалисты, а также прежніе нѣмецкіе коммунисты, не исключая Вейтлинга. Социализмъ, въ ихъ представленіи, есть выраженіе абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы онъ собственной силой покорилъ весь міръ; а такъ какъ абсолютная истина не зависитъ отъ времени, пространства и историческаго развитія челоуѣчества, то это уже дѣло чистой случайности, когда и гдѣ она будетъ открыта».

По поводу этого мѣста г. Бернштейнъ упрекаетъ Энгельса въ преувеличеніи: «я не могу согласиться съ нимъ,—замѣчаетъ онъ,—когда онъ говоритъ, что по ихъ (социалистовъ-утопистовъ) мнѣнію время и мѣсто открытія найденныхъ имъ истинъ было дѣломъ независимой отъ историческаго развитія случайности. Будучи высказано въ такой общей формѣ, это положеніе невѣрно изображаетъ ихъ взглядъ на исторію *)».

Если бы г. Бернштейнъ далъ себѣ трудъ получше ознакомиться съ литературой утопическаго социализма и поглубже вдуматься въ основные историческіе взгляды социалистовъ-утопистовъ, то онъ и самъ увидѣлъ бы, что въ словахъ Энгельса нѣтъ и самомажйшей тѣни преувеличенія.

Фурье былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что ему удалось открыть законы нравственнаго тяготѣнія, но онъ никогда не умѣлъ взглянуть на свою теорію какъ на *плодъ общественнаго развитія Франціи*. Онъ самъ не разъ съ удивленіемъ спрашивалъ себя, почему люди не пришли нѣсколькими столѣтіями или даже тысячелѣтіями раньше къ тѣмъ открытіямъ, которыя ему удалось, наконецъ, сдѣлать. И онъ могъ себѣ отвѣтить только ссылкой на ослѣпленіе людей, да на *силу случайности*. По этому поводу онъ даже написалъ очень характерное разсужденіе о «*тираніи случая*», гдѣ онъ доказываетъ, что «эта колоссальная и презрѣнная сила почти

*) Ibid., s. 30, примѣчаніе.

всецѣло обусловливаетъ собою всѣ открытія»). По его словамъ, онъ самъ принесъ ей большую дань въ своемъ «открытіи разсчета притяженія» (*dans la decouverte du calcul de l'attraction*). Его, какъ и Ньютона, натолкнуло на его мысль яблоко. «За это, достойное знаменитости, яблоко заплатилъ 14 су одинъ путешественникъ, обѣдавшій со мной въ Парижѣ въ ресторанѣ Февріе. Я только что пріѣхалъ тогда изъ мѣстности, въ которой такія же и даже лучшія яблоки продавались по полъ-ліярда, т. е. менѣе 14 су за сотню. Эта разница цѣнъ въ двухъ мѣстностяхъ одинаковаго климата поразила меня очень сильно и навела на мысль о томъ, что въ промышленномъ механизмѣ есть коренной недостатокъ; отсюда возникли тѣ изслѣдованія, которыя по простествіи четырехъ лѣтъ привели меня къ открытію теоріи серій промышленныхъ группъ, а послѣ того и законовъ всеобщаго движенія, не замѣченныхъ Ньютономъ... Впослѣдствіи я нашелъ, что можно насчитать четыре яблока, изъ которыхъ два прославились причиненными ими несчастіями (яблоко Адама и яблоко Париса), а другія два сдѣлались знамениты благодаря тому, что обогатили науку. Не заслуживаетъ ли особой страницы въ исторіи эта четверка знаменитыхъ яблокъ»**).

Это, кажется, уже и само по себѣ довольно выразительно. Но это еще не все. Въ теоріи Фурье случай играетъ еще болѣе широкую роль, чѣмъ та, которую ему можно отнести на основаніи наивныхъ мыслей о четырехъ яблокахъ: случаемъ опредѣляется въ этой теоріи все историческое развитіе человѣческихъ взглядовъ и вся судьба человѣческихъ предразсудковъ. «Если люди такъ долго упорствовали въ своемъ восхищеніи передъ цивилизаціей,—говоритъ Фурье,—то это не произошло потому, что никто не послѣдовалъ совѣту Бэкона и не сдѣлалъ критическаго анализа пороковъ и недостатковъ каждой профессіи»***). А почему никто не послѣдовалъ совѣту Бэкона? Очень просто: потому, что не произошло такого случая, который навелъ бы людей на мысль о томъ, что надо ему послѣдовать. Нынѣшній порядокъ вещей, который самъ есть лишь исключеніе изъ общаго правила, лишь отклоненіе отъ истинной судьбы человѣчества, оказался гораздо болѣе продолжительнымъ, чѣмъ слѣдовало, благодаря «легкомыслію софистовъ, позабывшихъ, что имъ надо вдуматься въ общія цѣли Провидѣнія (*oublierent de spéculer*

*) Les manuscrits de Fourier, p. 14. Ср. также *Oeuvres Complètes* t. 4., Paris, 1841, pp. 3, 4, 5.

***) *Ibid.* p. 17.

****) *Oeuvres complètes*, t. 4, p. 121.

sur l'universalité de la Providence), отыскать тотъ сводъ законовъ, которой оно должно было составить для человѣческихкихъ отношеній»*)).

Послѣ этого читатель можетъ самъ судить, заключается ли въ приведенныхъ нами выше словахъ Энгельса хоть капля преувеличенія.

У другихъ великихъ утопистовъ вѣра въ историческое всемогущество случайности не такъ ярко выражена и, можетъ быть, не такъ велика, какъ у Фурье. Но до какой степени она сильна даже у самаго трезваго изъ нихъ, у Роберта Оуэна, показываетъ тотъ простой фактъ, что онъ со своими социалистическими планами обращался къ *сильнымъ міра* сего, существенно заинтересованнымъ въ поддержаніи эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Такое обращеніе очень плохо согласовалось со всѣмъ ученіемъ Р. Оуэна объ образованіи человѣческаго характера. По прямому и ясному смыслу этого ученія выходитъ, что сильные міра сего не могутъ взять на себя инициативу устраненія того самаго общественнаго порядка, подъ вліяніемъ котораго складываются ихъ собственные взгляды, и съ существованіемъ котораго тѣсно связаны ихъ насущнѣйшіе интересы. И тѣмъ не менѣ Робертъ Оуэнъ **) неустанно и заботливо, съ помощью подробныхъ расчетовъ, точныхъ плановъ и прекрасныхъ чертежей, объяснялъ европейскимъ монархамъ, въ чемъ состоитъ «раціональная» общественная система. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ и всѣ социалисты-утописты, былъ роднымъ братомъ великихъ французскихъ просвѣтителей, у которыхъ (главнымъ образомъ у Гельвеція) онъ почти цѣликомъ заимствовалъ все ученіе объ образованіи человѣческаго характера, и которые, подобно ему, съ упорствомъ, вполнѣ достойнымъ несравненно лучшей участи, объясняли коронованнымъ «законодателямъ», какъ и чѣмъ можетъ быть обезпечено счастье человечества. Они краснорѣчиво громили «деспотовъ» и они же упорно возлагали свои упованія на *просвѣщенный деспотизмъ*. Это противорѣчіе било въ глаза и, разумѣется, не ускользнуло отъ ихъ собственнаго вниманія. Всѣ они сознавали его одни съ большею, другіе съ меньшею ясностью и всѣ они утѣшали себя *именно надеждой на случайности*. Вообразите, что у васъ есть большая урна, въ которой находится очень много черныхъ шаровъ и два-три бѣлыхъ и что вы вынимаете

*) Manuscripts de Fourier, p. 78.

**) См. напримѣръ, его сочиненіе: „A Development of the Principles and Plans on which to establish self-supporting Home-colonies, etc.“, London, 1841, а также и особенно введеніе въ его автобіографію: The Life of Robert Owen, written by himself. Vol. 1, London, 1857.

шаръ за шаромъ. Нечего и говорить, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ у васъ гораздо меньше шансовъ вынуть бѣлый шаръ, нежели черный. Но повторивъ эту операцію достаточное число разъ, вы непременно вынете, наконецъ, и бѣлый. То же и съ коронованными «законодателями». Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ гораздо больше шансовъ найти на престолѣ *плохого* «законодателя», чѣмъ *хорошого*. Но явится же, наконецъ, и хорошій. Этотъ сдѣлаетъ все, что предписываетъ «*философія*», и тогда восторжествуетъ разумъ.

Такъ смотрѣли французскіе просвѣтители, и этотъ, въ сущности глубоко пессимистическій взглядъ, *равносильный признанію полной безпомощности ихъ „философіи“*, находился въ тѣсной причинной связи съ ихъ общимъ историческимъ воззрѣніемъ. Извѣстно, что даже тѣ французскіе просвѣтители 18-го столѣтія, которые были убѣжденными *материалистами*, держались *идеалистическаго взгляда на исторію*. Коренной причиной историческаго движенія они считали развитіе знаній и вообще умственное развитіе человѣчества. И въ этомъ отношеніи съ ними совершенно сходились социалисты-утописты. Такъ, на примѣръ, Р. Оуэнъ говоритъ, что царствующее въ обществѣ зло порождается ошибочнымъ взглядомъ людей на образованіе человѣческаго характера, а этотъ ошибочный взглядъ съ своей стороны обусловливается тѣмъ, что *люди не знаютъ своей собственной природы* *). Сообразно съ этимъ и устраненія общественнаго зла надо было ожидать единственно отъ распространенія между людьми правильнаго пониманія ихъ природы. Р. Оуэнъ былъ непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что такое пониманіе непременно распространится между ними. «Человѣкъ созданъ для того, чтобы приобрѣтать знанія посредствомъ опыта и счастье путемъ подчиненія законамъ своей природы», писалъ онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти **). Но вѣдь опытъ и есть знаніе. Чѣмъ же обусловливается его болѣе или менѣе быстрое накопленіе? Почему въ теченіе одной исторической эпохи человѣчество приобрѣтаетъ огромныя сокровища знанія, а въ теченіе другой, часто несравненно болѣе продолжительной, оно прибавляетъ къ ихъ старому запасу лишь совершенно ничтожныя крохи, а иногда терять и самый за-

*) См. Neue Auffassung etc. ss. 65—66; впрочемъ, эта мысль повторяется рѣшительно во всѣхъ его сочиненіяхъ.

**) См. чрезвычайно интересную его замѣтку, озаглавленную: „On the absolute necessity, in the nature of things, for the attainment of Happiness, that the system of Falshood and Evil should precede the system of truth and Good“, въ приложеніи къ первому тому его автобіографіи, вышедшемъ въ видѣ отдѣльной книги, pp. XXX—XXXIII.

пась? На этотъ вопросъ, въ высшей степени важный для научнаго объясненія историческихъ явленій, Оуэнъ не отвѣчалъ и не могъ отвѣтить. *На него вообще не отвѣчаютъ и не могутъ отвѣтить люди, держащіеся идеалистическаго взгляда на исторію.* И это понятно. Чтобы отвѣтить на него имъ надо было бы объяснить, чѣмъ обусловливается умственное развитіе человѣчества, т. е., стало бытъ, взглянуть на это развитіе *не какъ на коренную причину историческаго процесса, а какъ на слѣдствіе другой, глубже лежащей причины,* что было бы равносильно признанію несостоятельности идеалистическаго пониманія исторіи. Тотъ, кто еще не пришелъ къ такому признанію, непременно долженъ отводить случайности очень широкое мѣсто въ своихъ объясненіяхъ историческихъ событій и въ своихъ ображеніяхъ о будущемъ. *Случайность* объясняетъ ему все то, чего онъ не можетъ объяснить *сознательной дѣятельностью* историческихъ лицъ. *Ссылка на нее представляетъ собою первый, безсознательный и невольный шагъ къ признанію того, что развитіе человѣческаго сознанія обуславливается причинами, отъ него независящими.* Вотъ почему просвѣтителі 18-го столѣтія и социалисты-утописты такъ часто ссылались на случайность. „Четыре яблока“ Фурье также смѣшны теперь какъ и наполненная шарами «урна» французскихъ просвѣтителей. Но и «урна» и «яблоки» имѣли свое достаточное основаніе въ коренныхъ свойствахъ идеалистическаго взгляда на исторію, а политическіе и социальные реформаторы и революціонеры, придерживавшіеся такого взгляда, должны были чаще другихъ обывателей апеллировать и къ «урнѣ», и къ «яблокамъ», и еще къ великому множеству всякихъ другихъ неожиданностей. Въ самомъ дѣлѣ, если историческій процессъ *накопленія* знаній обуславливается въ послѣднемъ счетѣ рядомъ случайныхъ явленій, не имѣющихъ необходимой связи съ ходомъ общественной жизни и съ развитіемъ общественныхъ отношеній, то всякій отдѣльный вкладъ въ общую сокровищницу знаній, каждое открытіе, дѣлаемое тѣмъ или другимъ мыслителемъ,—а въ томъ числѣ и авторомъ того или другого плана общественнаго переустройства,—неизбѣжно должно представляться подаркомъ случайности. Если же отъ случайности зависитъ *открытіе* истины, то этой же «колоссальной и презрѣнной силѣ» подчинено и ея *распространеніе*, ея болѣе или менѣе быстрое воплощеніе въ общественную жизнь. Отсюда удивляющія насъ теперь заигрыванія просвѣтителей и социалистовъ-утопистовъ съ сильными міра сего. *Практика* соотвѣтствовала у нихъ *теоріи*, «искусство»—«наука».

Правда, у социалистовъ-утопистовъ уже замѣчается подчасъ сильное *недовольство теоріей, унаслѣдованной ими отъ просвѣтителей*, стремленіе *выйти* изъ узкаго круга идеализма и *стать* на болѣе *реальную* почву. Они стараются *создать общественную науку*. Отсюда всѣ ихъ «открытія». Нѣкоторыя изъ этихъ открытій замѣчательны въ полномъ смыслѣ этого слова. Они проливали яркій свѣтъ на многія важнѣйшія стороны историческаго процесса, — напримѣръ, на роль борьбы классовъ въ новѣйшей исторіи западно-европейскихъ обществъ*), — и тѣмъ готовяли научное объясненіе общественныхъ явленій. Но они именно только *подготавливали* его. Историческій *идеализмъ*, на точкѣ зрѣнія котораго стояли всѣ социалисты первой половины девятнадцатаго вѣка, очень затруднялъ окончательную выработку научнаго взгляда на общественную жизнь. Научному объясненію поддаются только *закономѣрныя* явленія. Закономѣрность явленій предполагаетъ *подчиненіе ихъ закону необходимости*, а историческій идеализмъ разсматриваетъ историческое движеніе почти исключительно какъ продуктъ *сознательный* и, слѣдовательно, *свободной* дѣятельности людей. Пока не было устранено это противорѣчіе, научное объясненіе общественной жизни оставалось невозможнымъ. А социалисты того времени не только не разрѣшили этого противорѣчія, но не умѣли даже формулировать его съ надлежащей точностью, несмотря на то, что ясное сознаніе и точная формулировка его были даны нѣмецкой философійей въ лицѣ Шеллинга.

Шеллингъ показалъ, что *свобода* человѣческихъ дѣйствій не только *не исключаетъ необходимости*, но напротивъ *предполагаетъ ее*, какъ свое условіе**). Эта глубокая мысль Шеллинга была основательно и подробно развита въ сочиненіяхъ Гегеля. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ она означаетъ, что дѣятельность человѣка можетъ быть разсматриваема *съ двухъ сторонъ*: во первыхъ, онъ выступаетъ передъ нами, какъ *причина* тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій. По скольку онъ сознаетъ себя такой причиной, постольку онъ полагаетъ, что *отъ него зависитъ* вызвать эти общественныя явленія или не вызывать ихъ. И постольку онъ считаетъ свою дѣятельность *сознательной и свободной*. Но человѣкъ, выступающій передъ нами въ качествѣ причины даннаго общественнаго явленія, можетъ и долженъ быть разсматриваемъ съ другой стороны, какъ *слѣдствіе* тѣхъ обще-

*) См. наше предисловіе къ Манифесту Коммунистической Партіи.

***) System des transcendentalen Idealismus, Tübingen 1800, ss. 422 и слѣд. ср. Н. Бельтова: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“, стр. 105 и слѣд.

ственныхъ явленій, которыя своимъ вліяніемъ опредѣлили складъ его характера и направленіе его воли. Разсматриваемый *какъ слѣдствіе*, общественный человѣкъ не можетъ считаться *свободнымъ* дѣятелемъ, потому что не отъ его воли зависѣли тѣ обстоятельства, которыя опредѣлили собою ея движеніе. Стало быть, теперь его дѣятельность представляется намъ, какъ подчиненная закону необходимости, т. е. *закономѣрная* дѣятельность. Такимъ образомъ выходитъ, что *свобода* вовсе не исключаетъ *необходимости*. Знаніе этой истины очень важно потому, что она—и только она—открываетъ намъ путь къ *научному объясненію* общественной жизни. Мы уже знаемъ, что научному объясненію поддаются только тѣ явленія, которыя подчинены закону необходимости. Если бы общественный человѣкъ могъ быть извѣстенъ намъ лишь какъ *причина* общественныхъ явленій, то его дѣятельность была бы доступна нашему представленію лишь со стороны своей *свободы*, и потому она всегда осталась бы недоступной для научнаго объясненія. Просвѣтители 18-го и социалисты-утописты 19-го столѣтія,—въ своихъ разсужденіяхъ объ исторіи,—смотрѣли на общественнаго человѣка только какъ на *причину* общественныхъ явленій. Это происходило потому, что они держались идеалистическаго взгляда на исторію: кто видитъ въ умственномъ развитіи самую глубокую причину историческаго движенія, тотъ принимаетъ въ соображеніе только *сознательную* дѣятельность людей, а сознательная дѣятельность и есть та дѣятельность, которую мы называемъ *свободной* *).

Необходимость не исключаетъ свободы. Мало того: сознательная и въ этомъ смыслѣ свободная дѣятельность людей возможна только потому, что ихъ дѣйствія необходимы. Это можетъ показаться парадоксомъ, но это безусловная истина. Если бы дѣйствія людей не были бы *необходимы*, то ихъ невозможно было бы *предвидѣть*, а тамъ, гдѣ невозможно никакое предвидѣніе, нѣтъ мѣста и для свободной дѣятельности въ смыслѣ сознательнаго вліянія на окружающую жизнь**). Такимъ образомъ *необходимость* оказывается *залогомъ свободы*.

*) „Необходимость, въ ея противоположности свободѣ, есть именно безсознательное“, справедливо говоритъ Шеллингъ. (L. cit., s. 424).

***) „Я могъ бы предвидѣть ихъ (поступки моихъ согражданъ) только при томъ условіи, если бы я могъ разсматривать ихъ, какъ и всѣ другія явленія окружающаго меня міра, т. е. какъ *необходимыя* слѣдствія *опредѣленныхъ причинъ*, которыя уже извѣстны или могутъ быть извѣстны мнѣ. Иначе сказать, моя *свобода* не была бы пустымъ словомъ только въ томъ случаѣ, если бы ея *сознаніе* могло сопровождаться по-

Все это хорошо выяснили еще великіе нѣмецкіе идеалисты, и поскольку они въ своихъ сужденіяхъ объ общественной жизни держались этой точки зрѣнія, постольку они стояли на твердой почвѣ науки. Но именно потому, что они были идеалистами, они не могли надлежащимъ образомъ воспользоваться своими собственными гениальными мыслями. Правда, ихъ философскій идеализмъ не былъ необходимо связанъ съ идеалистическимъ взглядомъ на исторію. Гегель замѣчаетъ въ своихъ «чтеніяхъ по философіи исторіи», что хотя, конечно, разумъ править міромъ, но онъ править имъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ управляетъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, т. е. *въ смыслъ законосообразности*. Небесныя свѣтила движутся по опредѣленнымъ законамъ, но движеніе ихъ остается безсознательнымъ. Такъ же совершается, по Гегелю, и историческое движеніе человечества: оно подчинено извѣстнымъ законамъ, но люди не знаютъ этихъ законовъ, и потому можно сказать, что историческое движеніе *безсознательно*. Люди ошибаются, думая, что ихъ идеи служатъ главнымъ факторомъ историческаго движенія. Идеи всякой данной эпохи сами опредѣляются характеромъ этой эпохи. При томъ же сова Минервы вылетаетъ только ночью. Когда люди начинаютъ вдумываться въ свои собственныя отношенія, тогда можно съ увѣренностью сказать, что эти отношенія уже отжили свое время и готовятся уступить мѣсто новому общественному порядку, истинный характеръ котораго выяснится людямъ только тогда, когда и ему придетъ пора сойти съ исторической сцены *).

Эти разсужденія Гегеля очень далеки отъ той наивной мысли, — составляющей сущность идеалистическаго объясненія исторіи, — что историческое движеніе обуславливается въ послѣднемъ счетѣ развитіемъ идей или, какъ выражались иногда французскіе просвѣтители, что міромъ править *«мнѣніе»*. Въ этихъ разсужденіяхъ вѣрно указывается по крайней мѣрѣ то, *чѣмъ нельзя объяснить историческое движеніе*. Но въ нихъ нѣтъ, разумѣется, и указанія на ихъ истинную причину. Да его и не могло въ нихъ быть. Если Гегель былъ *ниманіемъ причинъ*, вызывающихъ свободные поступки моихъ ближнихъ, т. е. если бы я могъ разсматривать эти поступки со стороны ихъ *необходимости*. Совершенно то же могутъ сказать мои ближніе и о моихъ поступкахъ. А что это означаетъ? Это означаетъ, что *возможность свободной (сознательной) исторической дѣятельности всякаго данаго лица сводится къ нулю въ томъ случаѣ, если въ основѣ свободныхъ человѣческихъ поступковъ не лежитъ доступная пониманію дѣятеля необходимость*». (Н. Бельтовъ, „Монистическій взглядъ на исторію“, стр. 106).

*) Ср. Н. Бельтова, L. cit., стр. 101.

далекъ отъ наивнаго историческаго идеализма французскихъ просвѣтителей и социалистовъ-утопистовъ, то это нисколько не колебало идеалистической основы его системы, а эта система не могла не помѣшать выработкѣ вполне научнаго объясненія общественно-историческаго процесса. По Гегелю, въ основѣ всего міроваго развитія лежитъ развитие *абсолютной идеи*. Развитиёмъ этой идеи объясняется у него въ концѣ концовъ и вся человѣческая исторія. Но что такое эта абсолютная идея? Это,—какъ очень хорошо показалъ еще Фейербахъ *)— есть лишь *олицетворенный процессъ мышленія*. Выходить, что міровое развитие вообще и историческое развитие въ частности объясняется законами человѣческой мысли или, другими словами, что *исторія* объясняется *логикой*. До какой степени неудовлетворительно такое объясненіе, можно видѣть изъ многихъ ученій самого же Гегеля. Историческое движеніе только тогда и становится у него понятнымъ, когда оно объясняется не логикой, а развитіемъ общественныхъ, и преимущественно экономическихъ отношеній. Такъ, когда онъ говоритъ, что Лакедемонъ палъ главнымъ образомъ вслѣдствіе *экономическаго неравенства*, то это объясненіе очень понятно само по себѣ и вполне соотвѣтствуетъ выводамъ новѣйшей исторической науки. Но абсолютная идея тутъ рѣшительно не при чемъ, и когда Гегель обращается къ ней для того, чтобы окончательно выяснитъ судьбы Греціи и Лакедемона, то онъ ровно ничего не прибавляетъ къ тому, что уже объяснено имъ указаніемъ на экономику **).

Гегель охотно повторялъ, что идеализмъ обнаруживаетъ себя какъ истина матеріализма. Но его «Философія Исторіи» доказываетъ какъ разъ обратное. Изъ нея видно, что въ примѣненіи къ исторіи матеріализмъ долженъ быть признанъ истиной идеализма. Чтобы окончательно проложить прямой и вѣрный путь для научнаго объясненія общественно-историческаго процесса, изслѣдователи должны были распротиться со всѣми разновидностями идеализма и перейти на матеріалистическую точку зрѣнія. Это и было сдѣлано Марксомъ и Энгельсомъ. Выработанное ими матеріалистическое пониманіе исторіи такъ характеризуется въ брошюрѣ Энгельса: «Развитіе научнаго социализма».

«Матеріалистическое пониманіе исторіи зиждется на томъ положеніи, что производство и обмѣнъ продуктовъ, а съ нимъ и образованіе классовъ, и служатъ основаніемъ всякаго

*) См. его „Grundsätze der Philosophie der Zukunft“, § 23.

**) Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей статьѣ „Zu Hegel's sechszigstem Todestag“, напечатанной въ „Neue Zeit“ за ноябрь 1891 года.

общественнаго строя; что въ каждомъ историческомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а съ нимъ и образованіе классовъ или сословій, зависитъ отъ того, какъ и что производится этимъ обществомъ и какимъ способомъ обмѣниваются произведенные продукты. Отсюда слѣдуетъ, что коренной причины социальныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ болѣе или менѣе ясномъ пониманіи ими вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна; другими словами—не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Пробудившееся сознаніе неразумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній, убѣжденіе въ томъ, что *Vernunft Unsinn, Wohlthat Plage geworden* (что безумствомъ мудрость стала, зломъ—благое) служить лишь указаніемъ на то, что въ способахъ производства и обмѣна постепенно совершились измѣненія, настолько значительныя, что имъ не соотвѣтствуетъ болѣе общественный порядокъ, выкроенный по мѣркѣ старыхъ экономическихъ условій. Изъ сказаннаго ясно, что и средства для устраненія зла должны заключаться,—въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ,—въ самыхъ измѣнившихся условіяхъ производства. Умъ человѣческой не можетъ *изобрѣсти* эти средства; онъ долженъ *открыть* ихъ въ данныхъ матеріальныхъ явленіяхъ производства».

Если пробудившееся сознаніе неразумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній само является слѣдствіемъ общественно-экономическаго развитія, то ясно, что и въ сознательной дѣятельности людей,—которая обуславливается ихъ понятіемъ о разумѣ и справедливости,—можетъ быть найдена извѣстная *законосообразность*. Такъ какъ эта ихъ дѣятельность опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ развитіемъ экономическихъ отношеній, то, выяснивъ себѣ направленіе экономическаго развитія общества, мы тѣмъ самымъ получаемъ возможность предвидѣть, въ какую сторону должна направиться сознательная дѣятельность его членовъ. Такимъ образомъ здѣсь, какъ у Шеллинга, *свобода* вытекаетъ изъ *необходимости*, а необходимость превращается въ свободу. Но между тѣмъ, какъ Шеллингъ, вслѣдствіе идеалистическаго характера своей философіи, не пошелъ дальше общихъ,—хотя и чрезвычайно глубокихъ,—соображеній на этотъ счетъ, матеріалистическое пониманіе исторіи позволяетъ намъ воспользоваться этими общими соображеніями для изслѣдованія «живой жизни», для научнаго объясненія всей дѣятельности общественнаго человѣка.

Давая возможность взглянуть на *сознательную* дѣятельность общественнаго человѣка съ точки зрѣнія ея *необходимости*, материалистическое пониманіе исторіи тѣмъ самымъ прокладываетъ социализму путь для перехода на научную почву. Въ приведенныхъ нами строкахъ Энгельсъ говоритъ, что средства для устраненія общественнаго зла не могутъ быть изобрѣтены, т. е. *придуманы* какимъ нибудь гениальнымъ мыслителемъ, а должны быть *открыты* въ измѣнившихся экономическихъ отношеніяхъ данной эпохи. Въ той самой мѣрѣ, въ какой возможно такое открытіе, возможенъ и научный социализмъ. Мы имѣемъ, стало быть, очень опредѣленный отвѣтъ на выдвинутый г. Бернштейномъ вопросъ о возможности научнаго социализма. Правда, самъ г. Бернштейнъ какъ будто даже и не подозрѣваетъ существованія подобнаго отвѣта. Но это только доказываетъ, что этотъ господинъ совсѣмъ не понялъ основы ученія тѣхъ самыхъ людей, послѣдователемъ которыхъ онъ называлъ себя въ продолженіе почти двадцати лѣтъ.

Придумать можно то, чего совсѣмъ нѣтъ; *открыть* можно только то, что *уже существуетъ въ дѣйствительности*. Что же значитъ поэтому, *открыть* въ экономической дѣйствительности средства для устраненія современнаго зла? Это значитъ показать, что само развитіе этой дѣйствительности уже создало и создаетъ экономическую основу будущаго общественнаго порядка.

Утопическій социализмъ исходилъ изъ *отвлеченныхъ принциповъ*; научный социализмъ беретъ за точку отправленія объективный ходъ экономическаго развитія буржуазнаго общества. Утопическій социализмъ охотно разрабатываетъ планы будущаго общественнаго устройства. Научный социализмъ, вопреки вышеприведенному утверженію г. Бернштейна, занимается не будущимъ обществомъ, а опредѣленіемъ той тенденціи, которая свойственна уже теперь существующему общественному порядку. Онъ *не разрисовываетъ будущаго*; онъ изучаетъ *настоящее*. Яркій примѣръ: съ одной стороны—дѣлаемое Фурье изображеніе *будущей* жизни человѣчества въ фаланстерахъ; съ другой—дѣлаемый Марксомъ анализъ нынѣшняго капиталистическаго способа производства.

Если средства для устраненія общественнаго зла не могутъ быть *придуманы* на основаніи общихъ соображеній о человѣческой природѣ, а должны быть открыты въ экономическихъ условіяхъ нашего времени, то ясно, что и открытіе ихъ не можетъ быть дѣломъ *случая*, независимымъ отъ указанныхъ условій. Нѣтъ, само это открытіе оказывается закономѣрнымъ процессомъ, доступнымъ научному изученію.

Основное положеніе матеріалистическаго объясненія исторіи гласить, что *мышленіе* людей опредѣляется ихъ *бытіемъ* или что въ процессѣ историческаго движенія ходъ развитія *идей* опредѣляется въ конечномъ счетѣ ходомъ развитія *экономическихъ отношеній*. Если это такъ, то ясно, что возникновеніе новыхъ экономическихъ отношеній необходимо должно вести за собою появленіе новыхъ идей, соотвѣствующихъ измѣнившимся условіямъ жизни, и если тому или другому гениальному человѣку пришла въ голову та или другая новая социально-политическая идея; если онъ *увидѣлъ*, на примѣръ, несостоятельность *старога* общественнаго порядка и необходимость замѣны его *новымъ*, то это произошло не «случайно»,—какъ представляли себѣ это дѣло социалисты-утописты, а въ силу вполне понятной исторической необходимости. И точно также *распространеніе* этой новой социально-политической идеи, ея *усвоеніе* сторонниками гениальнаго человѣка вовсе не можетъ считаться случайнымъ: она распространяется потому, что соотвѣтствуетъ новымъ экономическимъ условіямъ, и распространяется какъ разъ въ томъ классѣ или въ томъ словѣ населенія, который больше всѣхъ другихъ испытываетъ невыгоды устарѣлаго общественнаго порядка. Процессъ распространенія новой идеи оказывается тоже закономернымъ процессомъ. А такъ какъ за *распространеніемъ* идеи, соотвѣтствующей новымъ экономическимъ отношеніямъ, должно рано или поздно послѣдовать ея *осуществленіе*, т. е. устраненіе старога и торжество новаго общественнаго порядка, то значитъ весь ходъ процесса общественнаго развитія,—вся общественная *эволюція*, съ ея различными сторонами и со свойственными ей революціонными моментами,—представляется теперь подъ угломъ необходимости. И тутъ передъ нами ярко выступаетъ главная черта, отличающая *научный* социализмъ отъ *утопическаго*: послѣдователь научнаго социализма смотритъ на осуществленіе своего идеала, какъ на дѣло исторической *необходимости*, между тѣмъ, какъ утопистъ возлагалъ главныя свои упованія на *случайность*. Сообразно съ этимъ измѣняются и приемы социалистической пропаганды: утописты дѣйствовали на удачу, взывая сегодня къ просвѣщеннымъ монархамъ, завтра къ предприимчивымъ и жаднымъ до прибыли капиталистамъ, послѣзавтра къ безкорыстнымъ друзьямъ человечества*), и т. д. Сторонники научнаго со-

*) Le seul baume à notre servitude, c'est, de temps en temps un prince vertueux et l'clair; alors les malheureux oublient un moment leurs calamités. Такъ разсуждалъ Гриммъ въ XVIII вѣкѣ (цитировано у Дюкро, Les Encyclopédistes, Paris, 1900, p. 160). Всякій видитъ, что упованія

ціалізма імѣють стройную и послѣдовательную программу, глубочайшую основу которой составляет матеріалистическое пониманіе исторіи. Они не ожидаютъ сочувствія ото всѣхъ классовъ общества, такъ какъ они знаютъ, что способность даннаго класса сочувствоватьъ данной революціонной идеѣ опредѣляется его экономическимъ положеніемъ, и такъ какъ они видятъ, что изъ всѣхъ классовъ современнаго общества только пролетаріатъ находится въ такомъ экономическомъ положеніи, которое роковымъ образомъ толкаетъ его на революціонную борьбу съ существующимъ общественнымъ порядкомъ. Здѣсь,—какъ и вездѣ,—они не удовлетворяются взглядами на дѣятельность общественнаго человѣка, какъ на *причину* общественныхъ явленій, ихъ взоръ проникаетъ глубже и видитъ, что эта причина сама есть *слѣдствіе* экономическаго развитія. Здѣсь,—какъ и вездѣ,—они разсматриваютъ *сознательную* дѣятельность людей, съ точки зрѣнія ея *необходимости*.

«Если бы мы не имѣли лучшаго ручательства за предстоящій переворотъ въ нынѣшнемъ способѣ распредѣленія продуктовъ труда,—съ его вопіющими противоположностями нищеты и роскоши, голода и расточительности,—кромѣ сознанія того, что этотъ способъ распредѣленія несправедливъ и что справедливость должна же когда нибудь восторжествовать, то наше дѣло было бы плохо и намъ пришлось бы ждать долго. Уже средневѣковые мистики, мечтавшіе о тысячелѣтнемъ царствѣ, сознавали несправедливость классовыхъ противоположностей. Томасъ Мюнцеръ громко высказалъ это сознаніе на порогѣ новѣйшей исторіи, триста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тотъ же крикъ раздается и замираетъ во время буржуазной революціи въ Англіи и во Франціи. Чѣмъ же объясняется, что этотъ крикъ о необходимости устраненія классовыхъ различій, до 1830 года не встрѣчавшій отклика въ работающей и страдающей массѣ, вызываетъ теперь тысячекратное эхо; что онъ передается изъ одной страны въ другую и притомъ въ той самой послѣдовательности и съ той самой интенсивностью, съ которой развивается въ этихъ странахъ крупная промышленность; что онъ въ продолже-

Гримма и его единомышленниковъ дѣйствительно приурочивались къ случайности. Но мы уже знаемъ, что социалисты-утописты мало чѣмъ отличались въ этомъ отношеніи отъ просвѣтителей 18-го вѣка. Правда, просвѣтители уповали только на монарховъ, а социалисты-утописты ожидали чудесъ также и отъ доброй воли простыхъ смертныхъ изъ числа имущихъ. Эта разница объясняется измѣнившимися общественными отношеніями, но она не устраняетъ кореннаго сходства, обусловленнаго одинаковымъ взглядомъ на исторію.

ніе одного поколѣнія вызвалъ къ жизни такую могучую силу, которая можетъ сопротивляться всѣмъ соединившимся противъ нея общественнымъ силамъ и можетъ быть увѣрена въ побѣдѣ? Тѣмъ, что современная крупная промышленность, съ одной стороны, создала въ лицѣ пролетаріата такой классъ, который впервые въ исторіи можетъ выставить требованіе уничтоженія не той или другой отдѣльной классовой организаціи, а классовъ вообще, и который находится въ такомъ положеніи, что непременно долженъ осуществить это требованіе подъ страхомъ паденія до уровня китайскихъ кули. Съ другой стороны, та же крупная промышленность создала въ лицѣ буржуазіи такой классъ, который имѣетъ монополію всѣхъ производительныхъ и жизненныхъ средствъ, но въ каждомъ періодѣ спекуляціонной горячки и слѣдующаго за нею краха показываетъ, что онъ уже сталъ неспособенъ господствовать надъ переросшими его властью производительными силами; классъ, подъ руководствомъ котораго общество идетъ на встрѣчу своему разрушенію, какъ локомотивъ, съ которымъ не можетъ справиться машинистъ. Другими словами: тѣмъ, что какъ производительныя силы, созданныя современнымъ капиталистическимъ способомъ производства, такъ и имъ же обусловленная система распредѣленія благъ пришли въ жестокое противорѣчіе съ нимъ, и что поэтому въ способѣ производства и распредѣленія долженъ произойти переворотъ, если только современному обществу не предстоитъ окончательно погибнуть. Этотъ осязательный матеріальный фактъ, съ непреодолимой необходимостью отражающійся въ головахъ эксплуатируемыхъ пролетаріевъ въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ, этотъ фактъ, а не представленіе того или другого кабинетнаго мыслителя о правѣ и о безправіи, ручается за побѣду современнаго социализма» *).

Такъ говорилъ Энгельсъ въ своемъ спорѣ съ Дюрингомъ. И въ этихъ его словахъ рѣзко сказывается уже хорошо знакомая намъ отличительная черта научнаго социализма: взглядъ на освободительное движеніе пролетаріата, какъ на закономѣрный общественный процессъ, убѣжденіе въ томъ, что только *необходимость* можетъ обезпечить торжество *свободы***).

*) Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, dritte Auflage, ss. 161—162.

**) Когда нашъ Бѣлинскій,—въ первый періодъ своего увлеченія Гегелемъ,—рѣшительно отказался на нѣкоторое время отъ свободолюбивыхъ стремленій, онъ тѣмъ самымъ далъ поразительное и неопровержимое доказательство глубины своей теоретической мысли. Его отказъ отъ свободолюбивыхъ стремленій вызванъ былъ именно сознаниемъ того, что торжество свободы можетъ быть обезпечено лишь исторической необхо-

Тѣнь говоритъ гдѣ то, что совершенная наука съ полной точностью воспроизводитъ въ *понятіяхъ* природу и послѣдовательность *явленій*. Такая наука можетъ дѣлать безошибочныя предсказанія относительно каждаго отдѣльнаго явленія. И нѣтъ ничего легче, какъ показать, что общественная наука не обладаетъ и не можетъ обладать *такой* точностью. Но научный социализмъ никогда и не предъявлялъ претензій на такую точность. Когда его противники выдвигаютъ противъ него то соображеніе, что *соціологическое предвидѣніе невозможно*, то они смѣшиваютъ два очень различныхъ понятія: понятіе о направленіи и объ общихъ результатахъ даннаго общественнаго процесса съ понятіемъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ (событіяхъ), изъ которыхъ составится этотъ процессъ. Соціологическое предвидѣніе отличается и всегда будетъ отличаться очень малой точностью во всемъ томъ, что касается предсказанія отдѣльныхъ событій, между тѣмъ какъ оно обладаетъ уже значительной точностью тамъ, гдѣ надо опредѣлить общій характеръ и направленіе общественныхъ процессовъ. Возьмемъ примѣръ. Статистика показываетъ, что цифра смертности колеблется въ зависимости отъ *временъ года*. Зная ея колебанія въ данной странѣ или въ данномъ мѣстѣ, не трудно предсказать, въ какой мѣрѣ увеличится или уменьшится число смертныхъ случаевъ при переходѣ изъ одного времени года въ другое. Тутъ рѣчь идетъ объ общемъ характерѣ и направленіи даннаго общественнаго процесса, и тутъ возможно очень точное предсказаніе. Но если бы мы пожелали узнать, въ какихъ именно отдѣльныхъ явленіяхъ выразится, скажемъ, увеличеніе смертности съ наступленіемъ осени; если бы мы поставили себѣ вопросъ о томъ, *какія именно* лица не переживутъ осенняго времени и *каковы именно будутъ* конкретныя обстоятельства, сопровождающія смерть этихъ лицъ, то на этотъ вопросъ мы не дождались бы отвѣта отъ общественной науки, и если бы мы все таки стали бы добиваться его рѣшенія, то намъ пришлось бы обратиться къ какому нибудь магу или предсказателю. Другой примѣръ. Вообразите, что въ парламентѣ данной страны находятся представители отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, доходъ которыхъ сильно пони-

димостью. Не видя въ русской дѣйствительности никакихъ указаній на объективную неизбѣжность такого торжества, онъ отбрасывалъ всякую надежду на него, какъ теоретически-несостоятельную. Впослѣдствіи онъ самъ говорилъ о себѣ, что онъ не сумѣлъ „развить идею отрицанія“. Эта идея въ примѣненіи къ буржуазному обществу развита была основателями научнаго социализма.

жается вслѣдствіе конкуренціи сосѣднихъ странъ, отъ промышленныхъ предпринимателей, сбывающихъ свои товары именно въ этихъ сосѣднихъ странахъ, и, наконецъ, отъ пролетаріевъ, живущихъ лишь продажей своей рабочей силы. Въ составленный такимъ образомъ парламентъ вносится предложеніе обложить высокою пошлиною хлѣбъ, ввозимый изъ-за границы. Какъ вы думаете, можетъ-ли социологъ *предсказать*, какъ встрѣтятъ это предложеніе парламентскіе представители различныхъ общественныхъ классовъ? Мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ социологъ,—и не только социологъ, человекъ науки, а всякій тотъ, кто не лишенъ нѣкотораго политическаго опыта и здраваго смысла,—имѣетъ полную возможность сдѣлать *безошибочное предсказаніе*: «Представители землевладѣльцевъ, скажетъ онъ, будутъ всѣми силами поддерживать указанное предложеніе; представители пролетаріата будутъ отвергать его столь же энергично, и въ этомъ отношеніи отъ нихъ не отстанутъ представители предпринимателей, если только представители землевладѣнія не купятъ ихъ согласія какой нибудь серьезной экономической уступкой въ какой нибудь другой области.» Это предсказаніе будетъ сдѣлано на основаніи анализа экономическихъ интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ и оно дѣйствительно будетъ имѣть по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оно относится къ землевладѣльцамъ и къ пролетаріямъ,—опредѣленность и точность математическаго вывода. Далѣе,—зная число голосовъ, какимъ располагаетъ въ парламентѣ каждый изъ представленныхъ въ немъ классовъ, нашъ социологъ легко и безошибочно предскажетъ судьбу интересующаго насъ предложенія. Здѣсь его предсказаніе опять можетъ имѣть очень большую степень точности и достовѣрности. Но если вы, не довольствуясь знаніемъ общаго характера и направленія даннаго общественнаго процесса,—процесса борьбы, вызванной даннымъ предложеніемъ, захотите напередъ опредѣлить, кто именно возьметъ слово по поводу этого законопроекта и какія именно парламентскія сцены будутъ вызваны рѣчами будущихъ ораторовъ, то социологъ отвѣтитъ вамъ уже не научнымъ предвидѣніемъ, а болѣе или менѣе остроумными догадками, и если вамъ этого будетъ мало, то вамъ опять придется взяться за магію. Третій примѣръ. Если вы возьмете сочиненія великихъ французскихъ просвѣтителей 18-го вѣка, скажемъ хоть Гольбаха, то вы найдете въ нихъ *всю социальную программу великой французской революціи*. Но вы не встрѣтите въ нихъ ни одного предсказанія относительно тѣхъ историческихъ событій, изъ которыхъ составилъ впо-

·слѣдствіи процессъ осуществленія требованій, выставленныхъ французскими просвѣтителями во имя всего третьяго сословія. Откуда эта разница? Понятно—откуда: иное дѣло характеръ и направленіе данного общественнаго процесса, а иное дѣло тѣ отдѣльныя событія, изъ совокупности которыхъ онъ составляется. Если я понялъ его характеръ и направленіе, то я могу предсказать его *исходъ*; но какъ бы ни было глубоко мое пониманіе этого процесса, оно не дастъ мнѣ возможности предсказывать отдѣльныя событія въ ихъ индивидуальности. Когда говорятъ, что соціологическое предвидѣніе невозможно или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно затруднительно, то почти всегда имѣютъ въ виду невозможность предвидѣнія отдѣльныхъ событій, совершенно забывая о томъ, что такое предвидѣніе вовсе и не есть дѣло соціологіи. Соціологическое предвидѣніе имѣетъ своимъ предметомъ не отдѣльныя событія, а *общіе результаты того общественнаго процесса, который*,—какъ на примѣръ, процессъ развитія буржуазнаго общества,—уже совершается въ данное время. Что эти общіе результаты могутъ быть опредѣлены заранѣе, хорошо показываетъ вышеприведенный примѣръ французской революціи, вся соціальная программа которой была формулирована, какъ мы сказали, передовыми литературными представителями буржуазіи *).

Научный социализмъ говоритъ, *во-первыхъ*, что торжество соціалистическихъ идеаловъ предполагаетъ, *какъ свое необходимое условіе*, извѣстный, не зависящій отъ воли социалстовъ, ходъ экономическаго развитія буржуазнаго общества, *во-вторыхъ*, что это необходимое условіе *находится теперь на лицо* и обуславливается характеромъ и развитіемъ свойственныхъ этому обществу производственныхъ отношеній; *въ-третьихъ*, что само распространеніе соціалистическихъ идеаловъ въ рабочемъ классѣ современныхъ капиталистическихъ странъ вызывается экономическимъ строемъ и развитіемъ этихъ странъ. Такова общая мысль научнаго социализма. И эта общая мысль ни мало не опровергается тѣмъ вполне правильнымъ соображеніемъ, что соціологія никогда не будетъ наукой совершенной въ вышеуказанномъ смыслѣ этого

*) Въ своей недавно вышедшей книгѣ: „Les classes sociales, analisis de la vie sociale“, парижскій профессоръ Бозеръ (Bauer) высказываетъ аналогичный взглядъ на соціологическое предвидѣніе. Его книга интересна во многихъ отношеніяхъ. Жаль только, что почтенный профессоръ очень плохо знакомъ съ исторіей развиваемаго имъ взгляда. Ему, видимо, и въ голову не приходитъ, что въ числѣ своихъ „предшественниковъ“ онъ долженъ считать философовъ Шеллинга и Гегеля и социалстовъ Маркса и Энгельса.

слова. Ну и пусть и не будет! Что же изъ этого? Хотя социология и не совершенная наука, а общая мысль научнаго социализма, все таки неоспорима, а потому и сомнѣніе *въ возможность* такого социализма все таки неосновательно.

Въ спорахъ о невозможности научнаго социализма теоретики буржуазіи и «критики» Маркса нерѣдко выдвигаютъ еще слѣдующій доводъ. «Если возможенъ научный *социализмъ*, говорятъ они, то стало быть возможна и *буржуазная* общественная наука, а это противорѣчивая безсмыслица, потому что наука не можетъ быть ни социалистической, ни буржуазной. Наука—одна: *буржуазная* политическая экономія такъ же немислима, какъ и социалистическая математика».

Этотъ доводъ тоже основывается на смѣшеніи понятій. Математика не можетъ быть ни социалистической, ни буржуазной; это вѣрно; но что вѣрно въ примѣненіи къ математикѣ, то ошибочно въ примѣненіи къ общественной наукѣ.

Чему равняется сумма квадратовъ катетовъ? Квадрату гипотенузы. Такъ ли это? Такъ. Всегда ли это такъ? Всегда такъ; отношеніе квадрата гипотенузы къ суммѣ квадратовъ катетовъ *не можетъ измѣниться* потому что свойства математическихъ фигуръ *неизмѣнны*. А что мы видимъ въ социологіи? Остается-ли неизмѣннымъ предметъ ея изслѣдованія? Нѣтъ, не остается. Предметомъ социологическаго изслѣдованія является *общество*, а общество *развивается* и, слѣдовательно, *измѣняется*. Вотъ этимъ то *измѣненіемъ*, этимъ *развитіемъ* и создается возможность *буржуазной* общественной науки, равно какъ и научнаго *социализма*. Общество проходить въ своемъ развитіи извѣстныя фазы, которымъ соотвѣтствуютъ извѣстныя фазы развитія общественной науки. То, что мы называемъ, на примѣръ, *буржуазной* экономіей, есть одна фаза развитія экономической науки, то, что мы называемъ *социалистической* экономіей, есть другая фаза ея развитія, непосредственно слѣдующая за нею. Что же тутъ удивительнаго? Гдѣ же тутъ противорѣчивая безсмыслица?

Было бы очень ошибочно думать, что буржуазная экономія состоитъ изъ однихъ заблужденій. Совсе нѣтъ! Покольку буржуазная экономія *соотвѣтствуетъ* опредѣленной фазѣ общественнаго развитія, постольку она заключаетъ въ себѣ *научную истину**). Но эта истинно *относительно* имен-

*) И вотъ почему буржуазная точка зрѣнія изслѣдователей не только не мѣшала *въ свое время* прогрессу науки, но *была его необходимою условіемъ*. Въ предисловіи къ манифесту Коммунистической Партіи мы показали это на примѣръ французскихъ буржуазныхъ историковъ времени Реставраціи.

но потому, что она соотвѣтствуетъ *только извѣстному фазису общественнаго развитія*. А теоретики буржуазіи, воображающіе, что общество навсегда должно остаться въ своей буржуазной фазѣ, приписываютъ своимъ относительнымъ истинамъ *абсолютное значеніе*. Въ этомъ и заключается ихъ коренная ошибка, исправляемая научнымъ социализмомъ, появленіе котораго свидѣтельствуетъ о томъ, что буржуазная эпоха общественнаго развитія приближается къ своему концу. Научный социализмъ—это та самая сова Минервы, о которой говоритъ Гегель и которая, по его словамъ, вылетаетъ только тогда, когда закатывается солнце существующаго, въ данномъ случаѣ, капиталистическаго общественнаго порядка. Еще разъ, гдѣ же тутъ противорѣчіе? Гдѣ бессмыслица? Тутъ не только нѣтъ ни противорѣчія, ни бессмыслицы, но тутъ впервые получается возможность взглянуть на самый процессъ развитія науки, *какъ на закономѣрный процессъ*.

Но какъ бы тамъ ни было, а главная отличительная черта научнаго социализма опредѣлилась для насъ теперь съ полною ясностью. Его сторонники не довольствуются *надеждой* на то, что социалистическіе идеалы, благодаря своему возвышенному характеру привлекутъ къ себѣ всеобщую симпатію и потому восторжествуютъ. Нѣтъ, имъ нужна *увѣренность* въ томъ, что самое это привлеченіе всеобщей симпатіи социалистическими идеалами есть *необходимый общественный процессъ*, и эту увѣренность они черпаютъ изъ анализа временныхъ экономическихъ отношеній и хода развитія *). Защитники существующаго общественнаго порядка очень хорошо чувствуютъ, хотя и не всегда ясно сознаютъ, что эта главная отличительная черта составляетъ и главную силу социалистической теоріи. Поэтому ихъ «критика» направляется именно въ эту сторону. Они начинаютъ обыкновенно съ разсужденій о томъ, что нельзя видѣть въ экономикѣ главную пружину общественнаго развитія, такъ какъ чловѣкъ состо-

*) Нѣкоторые писатели,—напримѣръ Штаммлеръ,—замѣчаютъ, что если торжество социализма есть историческая необходимость, то практическая дѣятельность социаль-демократіи совершенно излишня. Зачѣмъ содѣйствовать возникновенію такого явленія, которое и безъ того непременно наступитъ? Но это жалкій и смѣшной софизмъ. Разсматривая историческое развитіе съ точки зрѣнія необходимости, социальная демократія и на свою собственную дѣятельность смотритъ какъ на необходимое звено въ цѣпи тѣхъ необходимыхъ условий, совокупность которыхъ дѣлаетъ неизбѣжнымъ торжество социализма. *Необходимое* звено не можетъ быть *излишнимъ*: его устраненіе разорвало бы всю цѣпь событій. Логическая слабость этого софизма ясна для того, кто понялъ сказанное нами выше о свободѣ и необходимости.

ить не изъ одного желудка и такъ какъ у него есть душа, сердце и другія нетлѣнные сокровища. Но эти сентиментальныя разсужденія, свидѣтельствующія о полной неспособности нынѣшнихъ теоретиковъ буржуазіи понять, въ чемъ заключается главнѣйшая, основная задача общественной науки, играютъ у нихъ роль вспомогательнаго отряда. Главныя же силы ихъ аргументаціи сосредоточиваются на вопросѣ о направленіи современнаго экономическаго развитія. Здѣсь они стараются опровергнуть одно за другимъ всѣ положенія научнаго социализма *). И хотя ихъ старанія ни къ чему не приводятъ, но они постоянно возобновляютъ свои нападенія и не могутъ не возобновлять ихъ, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о самомъ существованіи дорогаго имъ общественнаго порядка. Они сознаютъ, что если экономическое развитіе въ самомъ дѣлѣ идетъ такъ, какъ говорятъ послѣдователи научнаго социализма, то социальная революція *неизбѣжна*. А это сознаніе *равносильно признанію возможности научнаго социализма*.

Мы указали одну отличительную черту научнаго социализма. Въ своемъ спорѣ съ Дюрингомъ, Энгельсъ указываетъ другую. Онъ говоритъ, что тотъ социализмъ получилъ свое начало лишь со времени открытія природы и происхожденія *прибавочной стоимости*, и что весь онъ «*группируется*» вокругъ этого открытія. Читатель понимаетъ, въ какомъ смыслѣ это сказано. Такъ какъ цѣлью социалистическаго движенія является устраненіе эксплуатаціи одного общественнаго класса другимъ,—пролетаріата буржуазіей,—то *научный* социализмъ сталъ возможенъ только съ тѣхъ поръ, когда наукѣ удалось опредѣлить природу классовой эксплуатаціи вообще, а въ частности тотъ видъ, который она принимаетъ въ нынѣшнемъ обществѣ. Пока это не было сдѣлано, социализмъ не могъ выйти изъ области болѣе или менѣе смутныхъ стремленій, и въ его критикѣ существующаго порядка вещей не доставало главнаго *пониманія* того, гдѣ находится экономической центръ тяжести этого порядка. Открытіе прибавочной цѣнности дало ему такое пониманіе. Какъ велико значеніе этого открытія, показываетъ уже одно то обстоятельство, что защитники существующаго порядка вещей всѣми силами стараются опровергнуть его истинность. Теорія предѣльной полезности встрѣчаетъ теперь чрезвычайно радушный пріемъ со стороны буржуазныхъ экономистовъ именно потому, что

*) Объ этомъ см. нашу статью „Критика нашихъ критиковъ“, напечатанную во 2-3-й книжкѣ „Зари“.

она покрываетъ густымъ туманомъ вопросъ объ эксплуатаціи работника капиталистомъ и даже дѣлаетъ весьма сомнительнымъ самый фактъ такой эксплуатаціи *). Въ этомъ весь «научный» смыслъ безпредѣльно бесполезной теоріи.

Но какъ ни важно было открытіе прибавочной цѣнности въ исторіи социализма, научный социализмъ все таки оставался бы невозможнымъ, если бы устраненіе буржуазныхъ производственныхъ отношеній,—а слѣдовательно и эксплуатаціи пролетаріата буржуазіей,—не было понято какъ историческая необходимость, обусловливаемая всѣмъ ходомъ современнаго экономическаго развитія.

Хотѣли мы было поговорить здѣсь еще о *діалектикѣ въ ея отношеніи къ формальной логикѣ*. Но недостатокъ мѣста вынуждаетъ насъ отложить это намѣреніе до другого, болѣе удобнаго времени. А что намѣреніе это полезно исполнить, видно изъ тѣхъ совершенно неясныхъ представленій о діалектикѣ, которыми слишкомъ часто довольствуются даже ортодоксальные марксисты. Надо признать, что въ полемикѣ, вызванной «критическими» усиліями г. Бернштейна и компаніи, большинство ортодоксальныхъ марксистовъ оказалось наименѣе сильнымъ, именно въ защитѣ *діалектики*. Этотъ недостатокъ долженъ быть устраненъ; мы обязаны рѣшительно отразить всѣ нападенія нашихъ враговъ на нашу логическую твердыню.

*) Когда вышелъ англійскій переводъ книги Бёмъ-Баверка „Positive Theorie des Kapitals“, крупнѣйшій органъ англійской буржуазіи „The Times“, привѣтствовалъ его какъ „лучшее противоядіе противъ теоріи эксплуатаціи“ (Exploitation theories of the marxist school). Буржуазный общественный порядокъ клонится къ упадку. Параллельно съ этимъ совершается и паденіе буржуазной науки. Защищая буржуазныя общественныя отношенія, теоретики буржуазіи понижаются до уровня софистовъ низшей пробы. Замѣтимъ при этомъ вотъ что, когда Энгельсъ говоритъ, что Марксъ *открылъ* прибавочную стоимость, то это вовсе не значитъ, что, по его мнѣнію, до Маркса, ни одинъ экономистъ не имѣлъ о ней никакого представленія. Самъ Марксъ замѣчаетъ въ своей книгѣ „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“, что еще физиократы старались опредѣлить, какая именно отрасль производства создаетъ прибавочную стоимость. И тотъ же Марксъ собралъ много чрезвычайно цѣннаго матеріала для исторіи ученій о прибавочной стоимости. Часть этого матеріала только что издана теперь Каутскимъ въ видѣ особой книги. Марксъ открылъ прибавочную стоимость, въ томъ смыслѣ, что длинная исторія ученій объ этой стоимости нашла въ его экономической теоріи свое окончательное завершеніе, избавленное отъ всѣхъ неясностей и противорѣчій.

Изданія книгоиздательства „Буревѣстникъ“

- Экономическое ученіе Карла Маркса въ общедоступномъ изложеніи
К. Каутекаго. Полный переводъ. 3-е изд. Ц. 30 к.
- К. Каутекій. Эрфуртская программа. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред.
В. Засуличъ. 2-е изд. Ц. 25 к.
- К. Каутекій. Отвѣтъ Бернштейну (Антикритика). Переводъ съ нѣм.
А. Г. Гойхбарга. Ц. 60 к.
- К. Каутекій. Потребительныя общества и рабочее движеніе. Съ предисловіемъ автора. Перев. съ нѣм. И. Караваева. Ц. 8 к.
- К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. О коммунизмѣ. Съ тремя предисловіями авторовъ и предисловіемъ Г. Плеханова. Ц. 20 к.
- К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Съ введеніемъ Ф. Энгельса. Пер. съ нѣм. Ф. Капелюша подъ ред. Б. Кричевскаго. Ц. 20 к.
- К. Марксъ. Гражданская война во Франціи (1871). Съ пред. Ф. Энгельса. Перев. съ нѣм. подъ ред. Н. Ленина. 2-е изд. Ц. 15 к.
- К. Марксъ. Рѣчь о свободной торговлѣ, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Демократической Ассоціаціи въ Брюсселѣ 9 января 1848 г. Перев. и пред. В. Д. Ульриха. Ц. 8 к.
- К. Каутекій. Классовые интересы. Пер. съ нѣмецкаго В. А. Поссе. 2-е изд. Ц. 6 к.
- К. Каутекій. Воспоминанія (Автобіографія). Переводъ съ рукописи В. Засуличъ. Ц. 5 к.
- Ф. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Переводъ В. Величкиной подъ ред. и съ пред. Г. Плеханова. Ц. 15 к.
- Ф. Лассаль. О сущности конституціи. Съ предислов. Эд. Бернштейна 2-е изд. Ц. 6 к.
- Ф. Лассаль. Программа работниковъ. 2-е изд. Ц. 8 к.
- Ф. Лассаль. Гласный отвѣтъ Центральному Комитету, учрежденному для созванія общаго германскаго конгресса въ Лейпцигѣ. Съ предисловіемъ Эд. Бернштейна и портр. Лассаля. Ц. 10 к.
- А. Бебель. Женщина и социализмъ. Переводъ съ 34-го нѣмецкаго изданія подъ ред. В. А. Поссе. Ц. 75 к.
- А. Бебель. Положеніе женщины въ наст. и будущ. 5-е изд. Ц. 8 к.
- А. Бебель. О Бернштейнѣ. Пер. съ нѣмецк. подъ ред. В. А. Поссе. 3-е изд. Ц. 15 к.
- В. Браке. Долой социаль-демократовъ! Переводъ съ нѣмецкаго д-ра И. Аксельродъ. 2-е изд. Ц. 6 к.

- Эдуардъ Бернштейнъ. Возможенъ-ли научный социализмъ? *Отвѣтъ*.
Г. Плеханова. Ц. 15 к.
- Л. Аксельродъ (Ортодоксъ). О „Проблемахъ идеализма“. 2 е издание.
Ц. 15 к.
- Н. Ленинъ. Аграрный вопросъ и „критики“ Маркса. Ц. 15 к.
- Ж. Гедъ. Коллективизмъ. Пер. съ франц. А. Днѣпровой подъ ред.
В. А. Поссе. Ц. 4 к.
- Ж. Гедъ и П. Лафаргъ. Чего хотятъ социаль-демократы. Переводъ,
предисловіе, примѣчанія и приложение Г. Плеханова. Ц. 8 к.
- М. Шнипель. Профессиональные союзы рабочихъ. Переводъ съ нѣмецкаго
и предисловіе В. Д. Ульриха. 2-е изд. Ц. 10 к.
- Р. Зейдель. 8-ми часовой рабочей день. Переводъ съ нѣмецкаго
В. Ивановой. Ц. 5 к.
- А. Арну. Мертвецы Коммуны. Переводъ съ франц. Ц. 4 к.
- Э. Вандервельдъ. Золотая свадьба международного социализма. Ц. 6 к.
- Вильгельмъ Либкнехтъ. Воспоминанія о Марксѣ. Съ портретомъ, фак-
симиле и снимкомъ съ могилы Маркса. Ц. 20 к.
- В. Либкнехтъ. Его жизнь и дѣятельность. Очеркъ К. Эйнера. Съ
портретомъ Либкнехта. Ц. 15 к.
- В. Либкнехтъ. Два міра. Рѣчь, произнесен. по случаю годовщины
основ. народн. союза въ Криммитшау 22 окт. 1871 г. Съ пред.
Ю. Моттелера. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. А. Поссе. Ц. 15 к.
- Ж. Лонге. Социализмъ въ Японіи. Пер. съ франц. В. Засуличъ. Ц. 10 к.



Съ требованіями адресоваться:

Одесса, книгоиздательство „Буревѣстникъ“.

Отдѣленія склада:

С.-Петербургъ, книжный магазинъ „Право“, Загородный пер., 2.
Москва, книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская ул.
Варшава, книжный магазинъ „Знаніе“.
Рига, книжный магазинъ К. Зихмана.
Екатеринбургъ, Куреньщиковъ.
Самара, Губернское Земство.

На мелкіе заказы просятъ прилагать марки, присчитывая на каждый рубль заказа 25 коп. на пересылку. Выписывающіе изъ склада на три рубля и больше за пересылку не платятъ. Наложенымъ платежемъ не высылаются.

UNIVERSITY OF MICHIGAN



3 9015 06307 8250

